

Аналитическая серия. Выпуск 3

РЕАЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ МИФОВ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ● ВЫПУСК 3

Серия основана в 1999 году

Московский Центр Карнеги

РЕАЛЬНОСТЬ

ЭТНИЧЕСКИХ

МИФОВ

Под редакцией Марты Брилл Олкотт
и Алексея Малашенко

Гендальф • Москва • 2000

УДК 323.1:398.3(47+57)

ББК 66.3(2)

Р31

Рецензент

кандидат исторических наук В. В. Коротеева

Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и
Р31 М. Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2000. —
99 с. — (Аналитич. сер.).
ISBN 5-88044-116-4

Представленные в сборнике статьи известных российских этнологов и историков восполняют пробел в изучении межэтнических отношений в России и СНГ. Внимание читателя представлено несколько материалов, часть которых посвящена мифотворчеству в истории и отражению исторических мифов в этнической политике, а другая — проблеме этнонационального либерализма. Публикация подготовлена в рамках проекта «Этничность и нациестроительство» на основании докладов, сделанных на семинарах рабочей группы в 1998—1999 гг.

УДК 323.1:398.3(47+57)

ББК 66.3(2)

Reality of Ethnic Myths

Электронная версия: <http://pubs.carnegie.ru/books/2000/10am>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительных фондов Carnegie Corporation of New York, Starr Foundation и Hewlett Foundation. В соответствии с условиями предоставления грантов издание распространяется бесплатно.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

ISBN 5-88044-116-4

© Carnegie Endowment for International Peace, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторах	7
Введение	8
<i>Виктор Шнирельман</i> . Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика	12
<i>Владимир Коренько</i> . Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука	34
<i>Григорий Косач</i> . Региональное «гражданское полиэтническое сообщество»: вариант Оренбургской области	53
<i>Леокадия Дробижева</i> . Возможность либерального этнонационализма	77
Summary	95
О Фонде Карнеги	98

CONTENTS

About the Authors	7
Introduction (<i>Alexei Malashenko</i>)	8
<i>Viktor Shnirelman</i> . Value of the Past: Ethno-Centric Historical Myths, Identity and Ethnic Policies	12
<i>Vladimir Korenyako</i> . Ethno-Nationalism, Quasi History and Academic Science	34
<i>Grigory Kosach</i> . Regional “Civil Polyethnic Community”: The Orenburg Oblast Version	53
<i>Leokadia Drobizheva</i> . Opportunity for Liberal Ethno-Nationalism	77
Summary	95
About the Carnegie Endowment	98

ОБ АВТОРАХ

Дробижева Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, директор Института социологии Российской академии наук.

Коренько Владимир Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея Востока.

Косач Григорий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета.

Шнирельман Виктор Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение межэтнических отношений включает очень большое число тем, не каждая из которых удостоена монографического исследования или сборника статей. Некоторые из этих тем освещены лишь в отдельных разрозненных статьях. Причем это отнюдь не означает их малую значимость сравнительно с другими сюжетами. Пытаясь компенсировать один из таких пробелов, мы предлагаем вниманию читателя несколько материалов, часть которых посвящена мифотворчеству в истории и отражению исторических мифов в этнической политике, а другая — проблеме этнонационального либерализма.

Маргинальное положение в российской науке первой темы подчас даже трудно объяснить (как исключение упомянем опубликованную в 1999 г. в Москве книгу политолога В. Нечаева «Региональный миф в политической культуре современной России»). Ведь обострение у многих народов России чувства этнокультурной идентичности и рост национального самосознания неизбежно сопровождаются поисками своих более глубоких, более «солидных» исторических корней. Подобный теоретический изыск этнических интеллектуалов оказывается востребован и на уровне массового сознания, и участвующими в политике разработчиками разного рода «национальных идей», к которым апеллируют политики, добивающиеся сплочения вокруг себя общества. Теме исторического мифа посвящена работа этнолога Виктора Шнирельмана, который уже в самом начале статьи подчеркивает, что без понимания псевдонаучных представлений невозможно понять и исторический период, в который эти предрассудки появляются, тем более «когда на наших глазах происходит сложение новых мифов». И далее: «...Речь идет о формировании нового направления в нашей (русской. — *Авт.*) науке, ставящего своей целью изучение этнополитического мифа... исследование его структуры, деятельности его творцов и носителей».

Подавляющее большинство исторических мифов носит этноцентрический характер. Они имеют двойное назначение. Во-первых, в них обосновывается этнокультурная уникальность данного этноса относительно его «рядовых» соседей, государств, порой целых социокультурных миров, а также его вклад в мировую историю и культуру (иногда это

принимает эксцентрические формы: например, народ, к которому принадлежат мифотворцы, объявляется родоначальником человечества, из него происходит Иисус Христос и т. п.). Исторический миф также может заключаться в абсолютизации роли этнической макрообщности, например, тюркоязычных народов.

Во-вторых, авторы исторических мифов претендуют на якобы научное, объективное обоснование для выражения конкретных политических претензий. Примеров тому на просторах бывшего Советского Союза великое множество — от Чечни до Ферганской долины.

Со статьей В. Шнирельмана перекликается работа Владимира Коренько, которая посвящена другому типу исторической мифологии, не связанному с этнополитической ангажированностью ее авторов.

Как и В. Шнирельман, В. Коренько признает, что рост числа дилетантских исторических сочинений связан с «оживлением в 80—90-х годах этнонационалистической идеологии». Однако объектом его исследования являются труды, появившиеся задолго до «националистического бума». Его тема — анализ многочисленных книг Л. Гумилева (и некоторых других авторов), который двигался «от профессионализма к дилетантизму» не по причине политических пристрастий, но скорее в связи с личными обстоятельствами его жизни и честолюбием, негативно сказавшимися на его профессиональном уровне. Основываясь на скрупулезном анализе работ Л. Гумилева, В. Коренько выносит жесткий приговор: он «резко снизил различимый широкой аудиторией уровень академического профессионализма, а благодаря литературному таланту и завидной плодовитости показал: в глазах общественного мнения можно стать “великим ученым” и “властителем дум”, не только не пытаясь подняться над дилетантским уровнем, но и обходясь без всякой рефлексии по поводу собственных, порой грубейших ошибок».

В российской научной литературе работы Л. Гумилева подвергаются критическому анализу сравнительно редко. Профессиональные исследователи высокого уровня, в первую очередь тюркологи и монголоеды (в сфере научных интересов которых лежит большинство публикаций Л. Гумилева), фактически не обращают на него внимания, не признавая научной эвристичности его публикаций. Зато ссылки на них часто встречаются у публицистов и ученых, занимающихся смежной проблематикой и порой готовых для аргументации собственной позиции использовать яркие в литературном отношении дефиниции Л. Гумилева, заменяя их собственно научным анализом.

Признавая литературный дар Л. Гумилева, парадоксальность его суждений, которые *volens nolens* пробуждают интерес к истории, его должно критиковать за полудилетантский подход к ней. Тем более важно это в наше время, когда работы Л. Гумилева являются удобным фоном и вместе с тем инструментом для псевдонаучных писаний, содержащих явные или скрытые этнонационалистические амбиции. Примером последнего являются работы М. Аджиева (Мурада Аджи) и неко-

ВВЕДЕНИЕ

торых других, пользуясь выражением В. Кореняко, «тюркистских квазиисториографов», для которых Л. Гумилев является «знаковой фигурой».

Следующая статья сборника касается проблем гражданского полиэтнического общества. Ее автор историк Григорий Косач рассматривает ситуацию в Оренбургской области. Признавая, что такое общество здесь еще только складывается, а также учитывая влияние на него самых различных факторов включая географическое положение Оренбуржья, граничащего с Казахстаном, автор останавливается на динамике его (сообщества) формирования.

Вопросы формирования гражданского полиэтнического сообщества актуальны для многих областей Российской Федерации, и их нерешенность в немалой степени препятствует как общей стабильности, так и разрешению проблем федерализма, созданию прочной властной вертикали при оптимальном количестве прав, делегированных регионам, в том числе многонациональным. Оренбургская область входит в состав Волго-Уральского макрорегиона, где проблема полиэтнического сообщества является одной из ключевых. Но не меньшее, если не большее значение она имеет для Северного Кавказа. Актуальна она и для многих других регионов включая, например, такой мегаполис, как Москва. Формирование гражданского полиэтнического сообщества имеет значимость практически для всей Федерации, это обязательное условие становления российского демократического государства.

Вопросы этнонационализма, но уже под другим углом зрения, рассматриваются в статье этнолога Леокадии Дробижевой (неоднократно публиковавшейся в изданиях Московского Центра Карнеги). Ее сюжет — о возможности существования либерального этнонационализма — также не столь часто встречается в российской научной литературе. Автор размышляет об «разновариантности» национализма, считая необходимым уйти от его однобоких идеологизированных трактовок, которые попадают и у исследователей, и у практических работников, и особенно у претендующих на статус публициста журналистов. В этой связи Л. Дробижева напоминает о том, что отношение к национализму в мире менялось циклически.

Выделение и исследование либерального, демократического начала в этнонационализме, безусловно, сложно и имеет множество «подводных камней». Однако, игнорируя саму возможность такого рода модификаций этнонационализма, мы не только примитивизируем этот феномен, но еще и усложняем возможность диалога с идеологами этнонационализма, с его последователями. Л. Дробижева же подчеркивает, что «залп эмоциональной критики» этнонационализма не должен препятствовать тому, чтобы «сосредоточить внимание на обсуждении условий, при которых... национализм (в российском случае чаще этнонациональный сепаратизм) удастся перевести в либеральные формы». Надо ли говорить, сколь актуальна такая постановка вопроса в условиях уже

возникших и потенциальных этнополитических конфликтов и в России, и на всем пространстве СНГ?

Саму по себе возможность либерального этнонационализма можно рассматривать в контексте более спокойного, без эксцессов разрешения или во всяком случае смягчения многих конфликтов. Без признания за этническим национализмом права принимать либеральные формы, апеллировать к либеральным идеалам очень трудно (если вообще возможно) добиться плодотворного диалога с его последователями.

Публикация подготовлена в рамках программы «Нацестроительство и межэтнические отношения» на основании докладов, сделанных на семинарах рабочей группы в 1998—1999 гг. Работа над этнополитической тематикой продолжается.

Сопредседатели программы:

Марта Брилл Олкотт, профессор, старший научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир

Алексей Малашенко, доктор исторических наук, заместитель председателя научного совета Московского Центра Карнеги, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук

ЦЕННОСТЬ ПРОШЛОГО: ЭТНОЦЕНТРИСТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА

В и к т о р Ш Н И Р Е Л Ь М А Н

У всех нас есть стремление происходить от шумеров.
О. Прицак

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как известный специалист по средневековой Европе Ф. Саксл отметил, что мы вряд ли сможем понять исторический период, если оставим без внимания присущие ему ненаучные (а я добавил бы — и псевдонаучные) представления и предрассудки¹. В наше время, когда на наших глазах происходит сложение новых мифов, эта мысль приобретает особый смысл. Действительно, вторая половина XX в. ознаменовалась серьезными политическими потрясениями и изменениями, причем уже сейчас ясно, что возникшие в последние десятилетия этнополитические тенденции человечество захватит с собой и в приближающийся XXI в. Мы являемся свидетелями того, как на обломках последних империй возникли новые государства, быстро возрастает экономическая и политическая роль стран третьего мира, усилилась борьба народов четвертого мира за свои гражданские права и все громче становятся голоса этнических меньшинств. В то же время некоторые доминировавшие прежде группы теряют прежний привилегированный статус и превращаются в этнические меньшинства со всеми вытекающими из этого последствиями.

Все это создает почву для этнонационализма, который становится зримой чертой современного мира². На этой основе и возникло неожиданное для многих явление, которое можно было бы назвать альтернативным представлением о древней истории. Речь идет об этноцентристских версиях далекого прошлого, которые призваны воспевать предков как славных героев, сделавших бесценный вклад в формирование человеческой культуры и цивилизации и облагородивших все другие народы. Эти версии вполне правомерно трактовать как современные мифы со всеми присущими им характеристиками.

В наши годы, когда многое в истории постсоветских стран пересматривается во имя «истины» и «объективности», приходит понимание того, как трудно бывает историкам абстрагироваться от идеологии или групп-

повых, этнических, национальных интересов. Недавно французский историк М. Ферро убедительно показал, что курсы истории, которые используются в разных странах для обучения молодежи, нередко трактуют одни и те же исторические факты весьма по-разному в зависимости от национальных интересов³. На поверку они сплошь и рядом оказываются в плену у идеологии, а идеология является «набором представлений или ценностей, которые объяснимы [неосознанными] интересами или положением определенной социальной группы». Поэтому такие представления по необходимости так или иначе искажают реальность⁴.

Вот почему историческим дисциплинам бывает трудно сохранить полную объективность, и это в особенности свойственно тем построениям, которые затрагивают насущные этнические интересы. Поэтому укоренившееся в советском сознании и идущее еще от В. Белинского представление о том, что люди изучают историю для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее, нуждается в кардинальном пересмотре. На самом деле люди выстраивают и конструируют прошлое, во-первых, исходя из окружающей их социополитической действительности и связанных с ней интересами, а во-вторых, для того, чтобы, опираясь на это интерпретированное соответствующим образом прошлое, выдвигать проекты на будущее. Мало того, апелляция к отдаленному прошлому, самобытному историческому пути и тесно связанной с этим концепции национального характера позволяет действующим политикам и чиновникам отвести от себя обвинения в бессилии, неумении исправить современное положение дел и даже злоупотреблении властью. Ведь легче сослаться на особенности «национального духа» и неумолимые «законы истории», чем признаться в собственных промахах. Да и современным людям, привыкшим благодаря школьному историческому образованию мыслить в широких категориях, такое объяснение нередко кажется вполне естественным и удовлетворительным.

В итоге научные по видимости произведения многих наших современников имеют зримые черты социальной конструкции и по ряду параметров весьма близки к мифологии. Речь, конечно, идет о «третичной»⁵, а не о «первичной», или архаической, мифологии, которой издавна с успехом занимаются фольклористы. По мнению И. Дьяконова, мифы могут создавать и сами ученые, что ведет к распространению псевдонаучных теорий. К последним относятся расистские и националистические построения, нередко апеллирующие к науке⁶. Проявляя необходимую осторожность, И. Дьяконов признает, что было бы неверно трактовать третичную мифологию исключительно как сознательную ложь, ибо ее поклонники нередко искренне верят в то, что проповедуют⁷. Однако в данном случае меня интересует не столько отношение создателей мифов к своему творчеству, сколько содержание мифов и возможный эффект их глубокого проникновения в массовое сознание.

Ясно, что мифология, о которой идет речь, создается в наши дни на наших глазах. Это предоставляет исследователю уникальную возмож-

ность изучить процесс такого рода мифотворчества и его этнополитический контекст. Не случайно в последние годы анализ национальных и этнополитических мифов все чаще привлекает внимание специалистов самого разного профиля⁸. Можно ли отличить этнополитический миф от произведения неангажированного историка? Хотя грань здесь остается весьма зыбкой, все же имеются некоторые критерии, которые позволяют провести такие различия. Во-первых, разными являются цели: если историк стремится найти истину, то мифотворец манипулирует историческими данными для достижения совершенно иных целей, связанных с современной этнополитикой (об этом речь пойдет ниже). Во-вторых, если историческое произведение открыто для дискурса и допускает внесение коррективов и изменений в соответствии с новой исторической информацией, то миф выстраивает жесткую конструкцию, нетерпимую к критике и требующую слепой веры. В-третьих, мифотворец, как правило, полностью игнорирует принятые в науке методы. Он опирается на подходы, которые вообще характерны для псевдонауки⁹.

Иными словами, миф играет инструментальную роль — он обслуживает совершенно конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требования политической автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие. Ведь совершенно ясно, что в глазах немалой части наших современников апелляция к древней государственности, например, облегчает борьбу за повышение политического статуса. И напротив, тем, чьи предки таковой не обладали, вести эту борьбу оказывается неизмеримо труднее. Кроме того, миф не признает разночтений и отвергает вероятность нескольких равнозначных гипотез, он основан на стереотипизации окружающей прошлой или нынешней действительности. Следовательно, миф сознательно упрощает действительность и прибегает к неправомерным (с научной точки зрения) обобщениям на основе единичных и зачастую весьма неоднозначных фактов. Он сплошь и рядом базируется на редукционистском подходе. И понятно, почему — именно в силу своей инструментальной роли. Ведь действующего политика, национального лидера мало устраивают рассуждения ученого о сложностях интерпретации скупой информации о древней истории, о том, что порой она дает право выдвинуть несколько разных гипотез для освещения одной и той же исторической проблемы. Никакая политика не может строиться на столь шатком основании. Поэтому политику нужно четкое и однозначное решение, которым его и соблазняют ангажированные специалисты или подвизающиеся рядом с наукой дилетанты.

Ведь только непротиворечивый миф, устанавливающий жесткие рамки «объективной истины», способен мобилизовать массы. Еще сто лет назад это понял Ж. Сорель, который и сформулировал понятие политического мифа. По Ж. Сорелю предназначение мифа заключается в отображении «инстинктов», «ожиданий» и «страхов» национального

движения или политической партии, в придании им некоей завершенности. С тех пор многие лидеры националистических движений неоднократно и безуспешно прибегали к такого рода мифам, чтобы вдохновить массы на те или иные политические действия¹⁰.

Подобно архаическому мифу современная этноцентристская мифология призвана объяснять мир и определенным образом направлять действия своих приверженцев. В частности, миф создает основу для символов и ритуалов, которые в соответствующих социальных и политических обстоятельствах приобретают для людей огромное значение. Миф обращен в прошлое и в будущее, полностью или почти полностью игнорируя настоящее, которое кажется ему тусклым и лишенным внутреннего смысла. Апеллируя к прошлому, он фактически строит внеисторическую схему, представляющую народ вечной и неизменной целостностью. В особенности постоянными объявляются черты «национального характера» или «национального духа», которые неизменно ставят данный народ выше всех других. Так как современная эпоха видится временем упадка и морального разложения, а героика и великие деяния связываются с отдаленным прошлым, такой подход способствует расцвету иррационального, мистического восприятия истории, согласно которому героическое прошлое автоматически должно обеспечить народу славное будущее.

Это же делает привлекательной теорию циклизма, которая лежит в основе некоторых версий модного ныне цивилизационного подхода. Одновременно в сакральном свете представляется и занимаемое народом географическое пространство, что создает почву для геополитического видения мира. Народ изображается монолитным органическим единством, лишенным внутренних противоречий. Фактически он отождествляется с «личностью» и персонифицируется. Этому нередко способствует образ врага, который сплошь и рядом используется для укрепления внутренней сплоченности. Такого рода мировосприятие искусственно обедняет окружающую действительность, которая представляется исключительно двухцветной. Это и сближает подобные схемы с мифом, в основе которого лежат хорошо известные оппозиции: свое — чужое, белое — черное, добро — зло, высокое — низкое и пр. Мобилизуя народ на бескомпромиссную борьбу с персонифицированным злом, миф апеллирует к героическому образу предков, будто бы способному наделить потомков небывалой энергией и обеспечить победу. В итоге этноцентристский миф создает основу для идеологии насилия и служит для возбуждения энергии масс во имя достижения какой-либо этнополитической цели.

Разумеется, описываемые версии прошлого возникают далеко не случайно. Мы живем в век национализма, когда национальные государства, как правило, формируются на основе культурно-языковых общностей, осознающих себя тесно спаянными единствами, корни которых уходят в глубокую древность¹¹. Как правило, такое историческое виде-

ние прошлого является искусственной конструкцией, упрощающей гораздо более сложную историческую реальность (в частности, в советское время идентичность была искусственно отрезана от религии). Но именно в такой конструкции нуждается общество в определенные моменты развития. Само по себе это явление далеко не уникально¹². Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории: когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда пришельцы разного этнического происхождения сплываются в новую этническую группу, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору. В любом случае миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделить творческой энергией преодоления кризиса. Потребность в аналогичном мифе испытывали и экспансионистские империалистические государства, боровшиеся за передел мира. Не случайно такой миф сплошь и рядом составлял основу националистической истории, которая определяла облик европейской и американской исторической науки вплоть до середины XX в. и была широко представлена в школьных учебниках¹³.

Борьба за национальное возрождение и рост националистических движений, которые разворачиваются сейчас во всем мире, ставят на повестку дня новую актуальную проблематику, связанную с особенностями националистических идеологий и их практическим воплощением. Для России и стран СНГ все это имеет особое значение. Ведь единая общегосударственная идеология, свойственная тоталитарному режиму и монополюбно правившая еще совсем недавно в средствах массовой информации и школьном образовании, развалилась, раздробилась, и ее место заступили многочисленные микроидеологии, отражающие интересы самых разнообразных групп. С приходом демократии Россия вступила в эпоху постмодерна, когда ранее приниженные, подчиненные или считавшие себя таковыми группы внезапно обрели голос и получили возможность культивировать свои особые ценности и бороться за свои специфические социальные и политические права¹⁴. Именно в этих условиях особое значение приобретает этноисторический миф, легитимирующий право данной группы на территорию, на развитие своей культуры и на политическое оформление вплоть до требования полного суверенитета.

Как создается этот миф, в каких условиях, кем являются его создатели и какие цели они перед собой ставят, в чем состоит внешнее содержание мифа и каков его глубинный смысл, каким образом он распро-

страняется и как воспринимается самой широкой аудиторией, как он влияет на этническую идентичность, на формирование этнической символики и как используется в этнополитике — все это далеко не праздные вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к нашей сложной действительности. Ведь как давно установлено специалистами, в своих поступках человек руководствуется не столько внешними обстоятельствами и фактами объективной действительности, сколько тем, как он воспринимает эти обстоятельства и эту действительность. А восприятие далеко не всегда бывает полностью адекватным. И этот постулат справедлив не только по отношению к отдельной личности, но и в еще большей мере по отношению к группе, ибо групповое восприятие мира, основанное на коллективных идеях, сплошь и рядом отличается чертами иррационализма. Так возникают представления об этногенезе и этнической истории, которые бытуют в самых широких массах. Все это требует внимательного изучения, ибо в мифах, во-первых, отражаются наиболее болезненные для конкретных народов моменты действительности, а во-вторых, содержатся представления о предпочтительном решении такого рода проблем, претензии данной группы на особое место в политической структуре мира и стимулы к этнической мобилизации во имя достижения поставленных целей.

По сути речь идет о формировании нового направления в нашей науке, ставящего своей целью изучение этнополитического мифа как неотъемлемой черты этнополитических движений, исследование его структуры, деятельности его творцов и носителей, их целей и путей к достижению этих целей. Разумеется, изучение этнополитического мифа не может заменить анализа программ и практических действий этнонационалистических движений. Однако оно существенно дополняет выводы, полученные путем такого анализа. Во-первых, в обстановке тоталитарного или авторитарного режима, который существовал в СССР, конструирование этногенетических схем было едва ли не единственной возможностью высказать, пусть и в метафорической форме, этнические обиды и выразить недовольство неудовлетворительным состоянием своего этноса¹⁵. Поэтому для того периода исследование этноцентристского мифа о прошлом является едва ли не главным способом изучения развития этнонационализма. Во-вторых, анализ современных этноцентристских схем прошлого и их популярности среди населения помогает понять особенности этнополитической мобилизации и степень действенности этнонационалистической пропаганды. Ведь сухие строки политических программ (если они вообще имеются) этнонационалистических партий и движений не способны увлечь людей так, как это могут сделать талантливо написанные художественные произведения и научно-популярные книги, затрагивающие острые моменты национальной истории. В еще большей мере на умы населения воздействуют школьные курсы истории, делающие акцент на славных страницах далекого прошлого.

Ведь изучая идеологию современного национализма, нельзя забывать о том, что мы имеем дело с обществом грамотных людей, которые черпают свои знания об истории из школьных учебников, художественной литературы, средств массовой информации (поэтому расхожее представление о «генетической памяти» является мифом). А вся такого рода продукция создается профессиональной интеллигенцией. Мало того, при анализе ситуации в многонациональных государствах, каким был СССР и каким остается Россия, следует иметь в виду двоякую сущность этих профессионалов, которые представляют, с одной стороны, доминирующую нацию (в нашем случае русских), а с другой — все иные этнические группы. В зависимости от самых разных факторов (политической ситуации, особенностей межэтнических взаимоотношений, демографических тенденций и т. д.) эти интеллектуалы могут выдвигать и пропагандировать разные этноцентристские исторические версии, весьма по-разному трактующие одни и те же события прошлого.

Кроме того, представляется необходимым проводить четкую грань между профессионалами (лингвистами, историками, этнографами, археологами) и дилетантами (журналистами, школьными учителями, писателями, другими деятелями художественной культуры или учеными, чья профессиональная деятельность связана с иными областями науки). Если первые, создавая этноисторические конструкции, так или иначе ограничивают себя рамками определенных методических приемов и в силу профессиональной подготовки вынуждены обуздывать свою фантазию, то для вторых таких сдерживающих начал не существует, и они позволяют себе самые невероятные построения, нарушающие все законы профессиональной науки.

Какова же этнополитическая роль этногенетических и этноисторических мифов и за что ведется борьба? Первый вопрос, который должен нас в этой связи заинтересовать: из чего складывается национальный или этнический образ прошлого? Нетрудно заметить, что в истории каждого народа есть ключевые моменты, с которыми он склонен прежде всего отождествлять себя и свою судьбу. Сопоставление таких моментов¹⁶ приводит к выводу, что в центре внимания народов находятся события, связанные, во-первых, с обретением родины, во-вторых, с формированием и расцветом собственной государственности, в-третьих, с великими завоеваниями и, наконец, в-четвертых, с ужасной катастрофой, прервавшей поступательное развитие данного народа. Почему особым образом выделяются именно эти моменты? Первый из них легитимирует право данного народа на территорию, второй позволяет считаться политическим субъектом и дает право на образование государственности, третий и четвертый, несмотря на их полную противоположность, представляются сильными аргументами для того, чтобы занять достойное место в современном сообществе народов.

О том, насколько такой исторический образ важен для народа и государства, свидетельствует тот факт, что после образования Республики

Македония Греция тут же заявила решительный протест против ее названия, усмотрев в этом покушение на сакральный образ своего славного прошлого¹⁷. Аналогичным образом в 1994 г. в Карачае и Балкарии выражались протесты по поводу объявления Северной Осетии Аланией, в чем карачаевцы и балкарцы видят посягательство на свое историческое наследие¹⁸.

Советская идеология и основанная на ней практика национально-государственного строительства политизировали этничность, тесно связав ее с административными образованиями. Этому служила разработанная в СССР теория этноса, рассматривавшая процесс этнической консолидации в качестве как бы объективно заданного и, безусловно, однонаправленного. Тем самым в советской науке был искусственно законсервирован типичный для XIX в. либеральный подход к истории. Между тем наши западные коллеги понимают процесс этногенеза прежде всего как вызревание чувства единства независимо от того, на чем оно основано. А такое чувство возникает в условиях культурной границы и питается отношениями того или иного неравенства, опирающегося на культурные различия. Следовательно, толчок этногенезу в ряде случаев может дать сложившаяся государственность, выковывающая общественное единство и устанавливающая внутренние социокультурные границы политическими методами. При этом считается, что во многих регионах мира этничность появилась вместе с капитализмом¹⁹. В СССР этот подход даже не обсуждался, ибо он потенциально содержал опасность сепаратизма, который угрожал государственной целостности. Вместо него был принят «примордиалистский подход», согласно которому современные народы будто бы складывались стандартным путем, выраженным лаконичной формулой «племя — народность — нация». Искусственность этого подхода стала особенно очевидной в последние годы, когда на наших глазах прежние крупные общности рассыпаются и на их обломках идет формирование новых этнических групп.

Между тем современная Россия унаследовала многое от Советского Союза включая как прошлые национальные обиды и несправедливости, так и особенности иерархической этнополитической структуры. Это-то и служит питательной средой для возникновения идеологий, ратующих за восстановление справедливости. Их ядром часто служит этноисторический или этногенетический миф, повествующий о славном прошлом далеких предков, что будто бы должно послужить их потомкам залогом славного будущего. При этом поиски Золотого века, как правило, ведутся в очень отдаленном прошлом. Это и понятно. Ведь события относительно недавнего времени достаточно хорошо освещены источниками и густо окрашены социальными факторами, за которыми нелегко вычленишь чисто этнические моменты. Для этого периода говорить об этнической солидарности трудно, и это мешает создавать непротиворечивый националистический миф. Отдаленное прошлое уже в силу особенностей доступных нам источников (археологических и лин-

гвистических) воспринимаемое прежде всего в культурных, а не в социальных терминах, дает гораздо больше простора для фантазии, для конструирования крупных культурных общностей, которые трактуются как этнические, хотя на самом деле речь идет в лучшем случае об общностях лингвистических, не имевших никакого этнического содержания.

В свою очередь, замалчивание или грубое искажение исторических фактов из жизни малочисленных народов, в особенности репрессированных, стремление вычеркнуть их вместе с их уникальной культурой из истории страны, наблюдавшееся в недавнем прошлом, также является живительной силой для расцвета этногенетической мифологии, которая, с одной стороны, не без основания с подозрением относится к версиям этногенеза, сформулированным в советское время, а с другой — доводит до крайности те субъективистские тенденции, которые были им присущи. Нерусских авторов раздражают и некоторые современные прочтения российской истории, грешащие великодержавным шовинизмом²⁰.

Поэтому новые этноцентристские версии нередко выдвигаются под флагом борьбы с европоцентризмом²¹. В частности, среди тюркских ученых ширится движение за пересмотр основных положений индоевропейской теории как «политизированной» и служащей интересам «колониализма»²². Специалисты, как правило, рассматривают такие построения как «беспредел в науке», но от этого они не теряют привлекательности для представителей тех групп, к которым обращены, служа некоторой психологической компенсацией за лишения, которые они претерпели в прошлом и которые переживают в настоящем. Вместе с тем, возрождая давно забытое прошлое, эти схемы заставляют вспоминать о старых обидах и реставрируют прежние архаические негативные стереотипы и предубеждения против соседних народов. Более того, пытаясь наделить данную группу блестящей историей, эти схемы нередко вторгаются в чужую область и посягают на прошлое других народов, узурпируя их достижения и победы, а иногда даже содержат претензии на чужую территорию. Тем самым складывается почва для идеологии межэтнической конфронтации. Достаточно напомнить о борьбе за болгарское наследие между казанскими татарами и чувашами²³, за аланское наследие между рядом народов Северного Кавказа²⁴, за Абхазское царство между абхазами и грузинами²⁵, за наследие Албанского царства между лезгинами, азербайджанцами и армянами²⁶, за сакское наследие между русскими и казахами, наконец, за статус «арийцев», который кажется привлекательным многим этнонационалистам от русских и украинских до осетинских и таджикских²⁷.

Между тем именно примордиалистский подход дает обильную пищу для создания таких этноцентристских этногенетических мифов²⁸. Всем этим мифам свойственны следующие общие черты. Так как они настаивают на высокой степени устойчивости и преемственности культурной традиции, на ее стремлении к гомеостазу, на функциональной взаимо-

зависимости различных групп и подразделений в рамках данной культуры, то никаких внутренних побудительных мотивов к эволюции культуры они, как правило, не обнаруживают. Поэтому для объяснения происходящих изменений они вынуждены обращаться к внешним факторам (к теории катастроф) и ищут их в природных катаклизмах, войнах, переселениях, которым и отводят главную роль в истории. Многие концепции такого рода уделяют большое внимание некоему «мировому злу», с которым данный народ вынужден без устали сражаться. Нередко это «мировое зло» персонифицируется в лице какого-либо реального «народа-врага» (для армян, таджиков и лезгин это турки, для русских ультранационалистов — евреи, для многих нерусских националистов — русские и т. д.). Все перечисленные факторы будто бы и заставляют народ сниматься с места и расселяться по земле, разнося свою высокую культуру среди остальных якобы более отсталых народов.

Этнонационалистической версии истории свойственна тенденция к гигантомании. Ведь если только данный народ призван нести миру свет, то для этого он должен путешествовать по всему земному шару, не ограничиваясь каким-либо одним, пусть и крупным регионом. Логически, рационально объяснить эту «страсть к перемене мест», равно как и культуротворческую миссию данного народа, не представляется возможным. Поэтому этнонационалистическая идеология неизбежно должна прибегать к мистической, иррациональной аргументации. Такого рода аргументом и служит, в частности, идея мессианства. Ведь без нее никак нельзя объяснить, в силу каких причин именно данный народ в отличие от всех других обладает необычайными творческими потенциями и почему он обязан вести за собой все человечество.

Из всего культурного наследия особую ценность в глазах этнонационалистов имеют письменность и государственность, которые, по мнению многих из них, и делают народ «культурным». Принцип моноцентризма утверждает, что лишь один народ на земле мог изобрести письменность и создать государственную структуру. Для радикального этнонационалиста из этого однозначно следует, что рассматриваемые достижения являются продуктом творческой активности именно его народа. Ведь главным методологическим орудием этнического национализма служит патриотизм, который заставляет трактовать все исторические события в самом выгодном свете именно для своего народа к вящей его славе. Вклад других народов в сокровищницу человеческой культуры умаляется или вовсе замалчивается. Как правило, они оказываются безымянными статистами и молчаливыми потребителями тех достижений и ценностей, которыми их благодетельствовал народ-культуртрегер. Таким образом, этнонационалистическая модель прошлого всегда содержит элемент посягательства на чужое прошлое, чужих предков, чужие культурные достижения.

Другим важным атрибутом этнонационалистического подхода к истории является теория вырождения. Действительно, если после столь

героических усилий, которые предпринял данный народ, чтобы облагодетельствовать мир, тот все-таки оказывается весьма далек от совершенства, это требует объяснения. В качестве такового может выступать упадок «творческого духа» в отрыве от родины или от основного массива своего народа, сложность приспособления к новой природной среде, межрасовые или межэтнические браки, нарушившие чистоту культуры и опять-таки подорвавшие «дух», и т. д. В любом случае и этого рода аргументы неизбежно несут налет мистицизма.

В условиях серьезного этнополитического или социально-экономического кризиса этноцентристские версии прошлого создаются и используются всеми — и теми группами, которым грозит распад, и теми, кто выражает желание от них отпочковаться и образовать новую общность. При этом каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных сиюминутных этнополитических целей. Этот ярко выраженный примордиалистский подход включает следующие достаточно универсальные компоненты²⁹:

утверждение о необычайной древности (если не исконности) своих этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности (миф об автохтонности);

стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое и, насколько это возможно, максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы, что также имеет отношение к борьбе за землю (миф о прародине);

безусловную идентификацию своей этнической группы с вполне определенным языком, который был якобы присущ ей изначально (миф о лингвистической преемственности); иначе говоря, если переход с одного языка на другой и допускается, то не для своего, а для иных этносов, так как этот факт как бы понижает статус этноса;

убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или «дочерних» этнических групп, которые позднее отселились на другие земли (миф об «этнической семье»); тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве «старшего брата», что, следовательно, позволяет ему претендовать на важные привилегии и делает эти претензии естественными и законными;

стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам (миф о славных предках);

претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов (миф о культуртрегерстве); всем националистам представляется важным подчеркивать, что их предки были создателями древнейших государств, ибо наличие древнего государства как бы легитимирует претензии на строительство своей государственности в наше время;

преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли родоплеменных делений и многокомпонентности формирующей общности (миф об этнической однородности); тем самым свой народ как бы обретает вечную жизнь;

нередко конструируется образ иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации (миф о закланном враге);

иногда во имя единства государства или для усиления своей мощи, в частности демографическим путем, националисты причисляют к своей общности и иные этнические группы (миф об этническом единстве).

Перечисленные принципы наиболее характерны для этнонационалистических версий прошлого. При этом, однако, нельзя сказать, что все эти версии схожи. Напротив, сравнительный анализ позволяет выделить несколько разных моделей, которые имеют предпочтительное хождение у тех или иных народов.

Для украинцев, например, характерна автохтонная модель, утверждающая, что их предки жили на Украине с незапамятных времен. Русские националисты-неоязычники предпочитают «модель блудного сына», предполагающую скитания по всему миру с последующим возвращением на родину. Русские евразийцы делают упор на «государственную модель», согласно которой Евразия в силу своего геополитического положения обречена быть политическим единством, будь то Тюркский каганат, Золотая Орда, Российская империя или СССР. Идеологам пантюркизма более всего подходит «модель Чингисхана», делающая акцент на великих подвигах предков-завоевателей. Таким образом, ради славного прошлого они иногда готовы пожертвовать территориальными аргументами. Осетины пытаются совместить автохтонную модель с «моделью Чингисхана», чтобы и территорию за собой закрепить, и славное древнеиранское прошлое не потерять («модель двуликого Януса»). У казахов популярна «модель перевоплощения», которая настаивает на их исключительно местных корнях, несмотря на то, что население раннего железного века отличалось от современных казахов и по физическому типу, и по языку. Следовательно, эта модель допускает смену языка и физического типа. Наконец, было бы неверно считать, что этнонационалисты данного народа жестко придерживаются только одной модели. На самом деле у них нередко имеется одновременно не менее двух разных версий, которые пускаются в ход в зависимости от изменения политической ситуации или к которым прибегают для достижения совершенно разных целей. Например, татары Поволжья используют болгарскую и золотоордынскую версии, азербайджанцы — албанскую и тюркскую, а казахи наряду с «моделью перевоплощения» в последние годы прибегают и к «модели Чингисхана»³⁰.

Для пушей убедительности такие версии должны опираться на научную информацию и выглядеть наукообразными. Здесь возникает серьезная проблема, с которой неизбежно сталкивается создатель ис-

торического мифа: каким образом можно совместить заранее сформулированную априорную идею с научными фактами, которые либо не способны дать ей прочные основания, либо вообще полностью ей противоречат? Чтобы решить эту проблему, мифотворец обязан произвести определенную манипуляцию с научными материалами, прибегая как к некоторым методам, принятым в науке (и это должно заставить специалистов всерьез задуматься о надежности их методического инструментария), так и к прямым подлогам. В частности, в последние годы широко распространяются подделки, такие, как «Влесова книга» у русских и украинцев или «Джагфар тарихы» у татар-булгаристов. Они с благодарностью принимаются местными этнонационалистами и кое-где даже внедряются в систему школьного обучения³¹.

Что же происходит? Откуда такой энтузиазм в отношении первобытных основ своей культуры, которые некоторые авторы отваживаются искать едва ли не в палеолите? Дело в том, что в ходе модернизации, охватившей современный мир, происходит унификация культуры, и многие народы, живущие в многонациональных государствах, теряют традиционные хозяйственные системы, обычаи и социальную организацию, народную культуру, нередко даже родной язык. Основное, а порой и единственное, на чем держится их этническое самосознание, — сказания о великих предках и их славных деяниях, о блестящих достижениях своей культуры в глубоком прошлом. Поэтому пока люди будут осознавать принадлежность к особым, отличным от других общностям, они будут все больше придавать значение своему мифологизированному прошлому³². Все это, как было отмечено, имеет огромное «инструментальное» значение в борьбе за повышение политического статуса, за доступ к экономическим и финансовым ресурсам, за контроль над территорией и ее природными богатствами, наконец, за политический суверенитет. Чем более блестящим представляется народу его прошлое, с тем большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая или этноцентристская историческая версия играет огромную роль в легитимации политических претензий или уже имеющихся политических прав, и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл.

Это хорошо сознают представители властных структур. Не случайно во главе исторической науки в новых государственных образованиях нередко оказываются те специалисты, которые связывают свою научную карьеру с изучением истории титульного народа, причем среди них можно встретить и таких, кто целенаправленно создает этноистористский этногенетический миф. Мало того, в последние годы такие мифы проникают в область современного исторического образования, их можно встретить на страницах школьных учебников. Речь идет о воспитании у учащихся этноцентристского восприятия мира³³. Нелишне отметить, что большую роль в таком именно воспитании играет имеющий безусловный налет расизма «патриотический» подход к истории, раз-

работанный в свое время Л. Гумилевым³⁴ и подхваченный авторами учебников и методистами, состоящими в системе народного образования. В этой связи следует упомянуть, что, почувствовав всю опасность такого рода подхода, западная традиция школьного образования уже отказалась от него³⁵.

Определенное отношение к рассматриваемой теме имеет процесс формирования новой национальной символики в ходе процесса суверенизации — выработка флага, герба, гимна, введение общенациональных ритуалов и праздников, создание списков героев и врагов нации. Ведь эта символика черпается из тех ресурсов, которые предоставляют не только традиционная этническая культура и история, но и этно-исторический миф. В ней отражается представление народа или, что правильнее, элиты о его месте в мире и тех ценностях, которые он разделяет и которыми руководствуется в своей жизнедеятельности.

Поэтому для современных народов так важны списки официально признанных героев и врагов, великих деятелей и тех, кого нация хотела бы вычеркнуть из своей памяти³⁶. Так, в последние годы в Казахстане всех остальных великих предков уверенно потеснил образ Чингисхана, а в Узбекистане столь же бесспорно лидирует Тамерлан, памятник которому торжественно возвели в 1994 г. в Ташкенте на месте снесенного памятника К. Марксу. Вместе с тем выбор образов героев и недругов — это очень острая тема, которая сейчас с жаром дискутируется во всех новообразованных государствах на территории бывшего СССР. В Латвии, например, еще недавно бурно обсуждали, кому отдать предпочтение — красным или белым латышским стрелкам, в Киеве — кого называть патриотом — Мазепу или Богдана Хмельницкого³⁷. Дело доходит до борьбы за право включать в число своих предков наиболее знаменитых древних полководцев и завоевателей. Например, у многих народов, от украинцев до казахов и туркмен, наблюдается стремление национализировать вождя гуннов Аттилу.

Составление списков героев и мерзавцев протекает весьма болезненно. Во-первых, претензии на одних и тех же исторических деятелей могут омрачить взаимоотношения между соседними народами. Давние посягательства узбеков на великих ученых и поэтов персидской традиции (ибн-Сину, аль-Фараби и др.) всегда вызывали негодование у таджиков³⁸. Башкиры и татары никак не могут поделить целый ряд выдающихся просветителей и деятелей культуры XIX в.³⁹ В свою очередь, в последние годы русские с недоумением наблюдают, как древнерусские князья-Рюриковичи и летописец Нестор превращаются на Украине в «украинцев»⁴⁰. Можно представить себе, как армяне воспримут заявление чеченского автора о том, что знаменитый просветитель и создатель письменности Месроп Маштоц имел нахское, а не армянское происхождение⁴¹.

Во-вторых, столь же болезненно могут восприниматься неоднозначные оценки одних и тех же исторических деятелей представителями

разных народов. Скажем, для русских фигура Ермака является почти сакральной, а сибирский хан Кучум обвиняется в агрессии, и эта версия нередко включается в школьные учебники⁴². Вместе с тем совсем иначе на это смотрят сибирские татары и казахи⁴³. Совсем недавно, в 1996 г., ительмены предъявили требование российскому государству выплатить им компенсацию за большие потери, понесенные ими в ходе и вследствие русской колонизации Камчатки, а русский писатель публикует в это время роман, восхваляющий удаль и благородство завоевателя Камчатки атамана В. Атласова⁴⁴. Лезгины склонны видеть в Давуд-беке славного руководителя национально-освободительного движения начала XVIII в., направленного против персов, а аварские ученые считают его разбойником и грабителем. Русские воспринимают Шамиля как бунтовщика, а для народов Северного Кавказа он навсегда останется символом борьбы за свободу. Все это свидетельствует о том, что в мире постмодерна истин бывает всегда несколько. Поэтому трудно согласиться с теми, кто все беды современной российской историографии связывает с «русскоцентристским подходом»⁴⁵. Очевидно, правильнее было бы говорить о том, что пока в историографии будет господствовать этнонационалистический подход, ни о какой общей версии истории не стоит и мечтать.

Особым источником для изучения националистического видения прошлого служит иконография, представленная на бумажных деньгах, монетах, памятных медалях, марках, этикетках и т. д. Это блестяще продемонстрировал израильский историк Э. Сиван, привлечший внимание к тому, насколько большой популярностью в Египте, Сирии и Ираке пользуются изображения монументов доисламского и даже доарабского прошлого. Из этого он совершенно справедливо заключает, что речь идет о целенаправленной выработке идеологии коренизации, о стремлении доказать неотъемлемое право современного населения этих стран на их территорию, которое как бы легитимируется установлением исторической преемственности, идущей от древнейших государств Древнего мира⁴⁶. Совершенно иную эволюцию иконографических изображений можно проследить на бумажных купюрах Белоруссии первой половины 90-х годов. Знаменитые «зайчики» символизировали открытость, мирные намерения и экологическую ориентацию нового демократического режима. Зато сменившие их изображения по-чиновничьи строгой городской архитектуры Минска знаменовали переход к авторитарному режиму. Портретные изображения киевских князей-Рюриковичей и воспроизведение их княжеского знака («трезубца») на украинских деньгах выражают стремление Украины подчеркнуть древность своей государственности, связав ее напрямую с Киевской Русью⁴⁷.

В то же время изображение различных российских городов, причем в иерархическом порядке (на сотенных купюрах — Москвы, на пятидесятирублевках — С.-Петербурга и т. д.), на российских деньгах, во-первых, подчеркивает географическую ширь России, которая, как извест-

но, всегда была для нее более значимой, чем историческая глубина, а во-вторых, воспроизводят идею иерархического построения власти в Российской Федерации. Этому вовсе не противоречит тот факт, что на пятисотрублевых купюрах изображен Архангельск. Ведь он представлен там памятником Петру I и российским флотом, что должно символизировать величие России и ее глобальные интересы.

Совсем другая идея заключена в современном гербе Казахстана, где на фоне синего неба изображены крылатые кони и шанырак — круговое навершие купола юрты с перекрещивающимися там тройными жердями. В этом выражается стремление казахов продемонстрировать свою неразрывную связь со степными кочевниками и их трехчленной жузово-социальной организацией. И хотя кочевой образ жизни уже давно ушел в прошлое, «ностальгия по номадизму»⁴⁸ еще долго будет преследовать казахов, для которых кочевой образ жизни является важнейшим компонентом этнической идентичности и символом самобытной культуры и истории. Ярким элементом этногенетического мифа, запечатленного в казахском гербе, является изображение крылатых коней, взятое из древнеиранской традиции.

Если современные казахские государственные символы сознательно дистанцируются от мусульманской символики и стремятся делать акцент на общечеловеческих ценностях, то герб и флаг Туркмении, напротив, включают мусульманский полумесяц и смотрящие на него пять звезд. Вместе с тем и здесь ярко выражена «ностальгия по номадизму», представленная изображениями традиционных ковров и скакуна-ахалтекинца. Правда, они дополнены изображениями хлопка и пшеницы, подчеркивающими местоположение Туркмении на границе между кочевым и оседлым мирами. В туркменском флаге оттеняется приверженность к традиционной социальной организации — пять звезд ассоциируются с пятью племенами⁴⁹.

Существенно, что и современный Казахстан считает своим достоинством промежуточное положение — на этот раз между Европой и Азией. Отсюда (а также из-за большой русской диаспоры) тяготение президента Н. Назарбаева к евразийской идее, и это объясняет склонность казахстанской символики к общечеловеческим ценностям. Таким образом, государственная символика оказывается нагруженной глубоким смыслом и подчеркивает то, каким данному народу видится его место в мире и в каком образе он хотел бы предстать перед мировым сообществом.

Символика и ее переосмысление также могут стать почвой для конфликта, будь то конфликт межэтнический или конфессиональный. Характерный пример. Известно, что изображение христианского креста нередко включает в себя полумесяц, который находится в нижней части этого изображения. Недавно председатель Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России муфтий Р. Гайнутдин обратился с просьбой к Русской православной церкви видеоиз-

менить эту символику и не воздвигать такие кресты над строящимися церквями и монастырями. Он объяснил это тем, что для мусульман изображение полумесяца под крестом несет негативный смысл, представляющий ислам религией, поверженной в прах христианством. Здесь мы имеем дело с современной реинтерпретацией символа. На самом деле, как объясняет представитель православной церкви, изображение такого креста не имеет никакого отношения к борьбе христианства с исламом. То, что ныне воспринимается как полумесяц, изначально изображало якорь, служивший ранним христианам символом надежды, знаком защиты от бед и несчастий. Еще апостол Павел говорил о «якоре безопасности для души». Иногда об этом прямо свидетельствовала греческая буква «е» («надежда»), которую наносили на поперечную перекладину. Подобные изображения крестов встречались в катакомбах первых христиан, на древних афонских храмах. Такой крест можно видеть на Дмитровском соборе во Владимире, построенном в домонгольское время, когда о борьбе с исламом не было и речи⁵⁰.

Национализм с особой силой проявляет себя в учреждении новых музеев или в смене экспозиций в уже имеющихс⁵¹. На примере музеев наиболее отчетливо видно, как происходит национализация прошлого, как из фрагментарных и нередко не имеющих отношения друг к другу исторических источников складывается то, что принято считать национальной историей или историей национальной культуры.

О том, как по-разному она трактуется в разных странах или регионах, говорят следующие факты, с которыми мне лично пришлось столкнуться. В Национальном музее в Хельсинки вся экспозиция построена так, чтобы дать посетителю представление об историческом пути, пройденном финскими народами от доземледельческого образа жизни (этот этап иллюстрируется предметами культуры обских угров) до современности. Напротив, еще в недавнем прошлом в краеведческом музее в Ставрополе вещи, связанные с культурами репрессированных северокавказских народов, либо не попадали в экспозицию, либо оставались этнически не атрибутированными — сопровождавшие их надписи отсылали посетителя к обезличенной «культуре Северного Кавказа». В Национальном музее Мадрида традиционная крестьянская культура представлена как «испанская» без каких-либо более дробных членений, связанных с региональными особенностями. И лишь в запасниках мне показали вещи, относящиеся к традиционной культуре басков, но и там они хранились без соответствующих пояснительных надписей. Иными словами, уже эти выборочные примеры показывают, как государственная политика напрямую отражается на идеологии музейной экспозиции. В одних случаях она навязывает посетителю представление о прогрессивном историческом пути, пройденном доминирующим этносом (Хельсинки), в других — содержит установку на конструирование интегрированной общегосударственной культуры, избегая демонстрации региональной вариативности (Мадрид), в третьих — сознательно по полити-

ческим причинам замалчивает вклад определенных народов в культуру края (Ставрополь).

В ряде случаев музеи участвуют в присвоении чужого прошлого, что нередко происходит в современном мире. Нечто подобное случилось с домонгольскими соборами Древней Руси, которые строились германскими мастерами, но со временем прочно слились с образом исконно русской архитектуры. В музее национализм может демонстрироваться не только интересом к национальной культуре в целом и ее эволюции, но и особым отношением к родной природе и ландшафтам, к наиболее популярным занятиям населения, к тем аспектам культуры, с которыми принято связывать «национальный характер». Национализм повсюду романтизирует крестьянскую культуру, в которой будто бы концентрируется дух нации. Именно в крестьянстве или по меньшей мере в его романтизированном образе ищут главную опору все националистические режимы и движения. Там же, где крестьянства не было, ему без труда находится замена: ковбой на лошади настолько же является символом американской нации, насколько эскимос в каяке символом гренландской. Музей нередко призван недвусмысленно продемонстрировать право местного населения на свою территорию, что чаще всего обосновывается археологическими коллекциями. Так, первое, что видит посетитель при входе в местный музей в Ситке на Аляске — это надпись, гласящую, что древнейшие обитатели, поселившиеся там десять тысяч лет назад, были прямыми предками живущих здесь ныне индейцев тлингитов. Тем самым тлингиты как бы отвергают претензии ряда американских авторов, указывающих на их позднее появление в этих местах и делающих вывод, что американцы в не меньшей мере, чем тлингиты, имеют право на местные территории.

Таким образом, современная националистическая и этнополитическая реальность с ее новыми мифами, символами и предрассудками предоставляет исследователю совершенно новые источники для изучения национальной и этнической культуры, ее адаптации к современности и ее этнополитической роли. Открывается новое поле для плодотворных исследований, о которых не могла и помыслить наша традиционная этнография и результаты которых должны учитываться всеми мыслящими политиками, всерьез думающими о судьбах страны.

Примечания

¹ *Saxi F.* Lectures. — London, 1957. — Vol. 1. — P. 73.

² *Rothschild J.* Ethnopolitics: a Conceptual Framework. — New York, 1981; *Тихонов В. А.* Этнонационализм и новая Россия // Свободная мысль. — 1992. — № 4; *Галкин А.* Суперэтнолизм как глобальная проблема // Свободная мысль. — 1994. — № 5.

³ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 1992.

⁴ *Elster J.* Belief, Bias and Ideology // Rationality and relativism. — Oxford, 1982. — P. 123.

⁵ Дьяконов И. М. Введение // Мифологии Древнего мира. — М., 1977. — С. 32—33; Он же. Архаические мифы Востока и Запада. — М., 1990. — С. 62—63.

⁶ Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. — М., 1980. — Т. 1. — С. 15—16; Политическая теория и политическая практика: Словарь-справочник. — М., 1994. — С. 151—154.

⁷ Дьяконов И. М. Архаические мифы... — С. 62—63.

⁸ См., например, Политическая теория и политическая практика. — С. 149—151; Осаченко Ю. С., Дмитриева Л. В. Введение в философию мифа. — М., 1994; Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. — М., 1996. — С. 22—39; Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. — М., 1996; Ионин Л. Г. Социология культуры. — М., 1996. — С. 159—162. См. также материалы международной конференции «Мифы современной Украины», опубликованные в журнале «Дух і Літера» (1998. — № 3—4), а также Бордюгов Г. Создание национальных историй в постсоветских государствах // Независимая газ. — 1998. — 25 нояб.

⁹ Об этом см.: Cole J. R. Cult Archaeology and Unscientific Method and Theory // Advances in Archaeological Method and Theory. — New York, 1980. — Vol. 3. — P. 5—9; Snirelman V. A. Etnogeneze jakozto etnopolitika aneb proc se soveti tolik venovali etnogenetickym studiim // Cesky Lid. — 1997. — R. 84. — № 1. — S. 52.

¹⁰ Хюбнер К. Истина мифа. — М., 1996. — С. 340; Шнирельман В. А. Надо ли ставить телегу впереди лошади? // Отчизна [Владикавказ]. — 1998. — № 7. — Ноябрь.—Дек. — С. 3.

¹¹ Rothschild J. Op. cit.; Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991; Он же. Условия свободы. — М., 1995. Впрочем, сейчас вырабатываются и иные подходы к содержанию современной государственности. См.: Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этногр. обозрение. — 1998. — № 5.

¹² Шнирельман В. А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этногр. обозрение. — 1993. — № 3; Он же. Мифы диаспоры // Диаспоры в историческом времени и пространстве: Национальная ситуация в Восточной Сибири. — Иркутск, 1994; Он же. Изобретение прошлого // Новое время. — 1996. — № 32; Он же. Миф о сверхчеловеке возрождается в России // Новое время. — 1997. — № 13; Он же. Национализм, сепаратизм и будущее России // Профессионалы за сотрудничество. — М., 1997. — Вып. 1; Он же. Подарок судьбы или божье наказание (о двух подходах к хазарской проблеме в русской историографии) // Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи. — Київ, 1998. — Т. 1; Shnirelman V. A. Archaeology and Ethnic Politics: the Discovery of Arkaim // Museum Intern. — 1998. — № 198 (April-June) и другие его работы; Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). — Пятигорск, 1998.

¹³ Hannam C. L. Prejudice and the Teaching of History // New Movements in the Study and Teaching of History. — London, 1970; Kennedy P. M. The Decline of Nationalistic History in the West // Historians in Politics. — London, 1974.

¹⁴ Шнирельман В. А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестн. Омского ун-та, — 1998, — № 1.

¹⁵ Он же. Постмодернизм, этнонационализм и распад Советского Союза // Профессионалы за сотрудничество. — М., 1998. — Вып. 2; Shnirelman V. A. The faces of nationalist archaeology in Russia // Nationalism and archaeology in Europe. — London, 1996. — P. 220, 238. Как заметил в свое время Л. Поляков, «для враждебности, презрения и других чувств этого рода, если они не находят внешнего выхода, нет лучшей разрядки, чем художественное творчество» (Поляков Л. История антисемитизма: Эпоха знаний. — М., 1998. — С. 146—147).

¹⁶ Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония: проблемы истории и культуры. — М., 1999. — С. 12—13.

¹⁷ Brown K. C. Seeing Stars: Character and Identity in the Landscape of Modern Macedonia // Antiquity. — 1994. — Vol. 68. — № 261.

¹⁸ См., например, Байрамкулов А. М. Карачаево-балкарскому народу — 2000 лет. — Черкесск, 1996. — С. 355.

¹⁹ Eriksen Th. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. — London: Pluto Press, 1993. — P. 78—83; Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. — Berkeley, 1985. — P. 64—70; Roosens E. E. Creating Ethnicity: the Process Ofethnogenesis. — Newbury Park, California, 1989; Verdery K. Ethnicity as Culture: some Soviet-American Contrasts // Canadian Rev. of Studies in Nationalism. — 1988. — Vol. 15. — № 1—2; Gladney D. C. Relational Alterity: Constructing Dungan (Hui), Uygur, and Kazakh Identities Across China, Central Asia, and Turkey // History and Anthropology. — 1996. — Vol. 9. — № 4.

²⁰ См., например, Шафиков Г. Г. Дыхание жгучее истории. — Уфа, 1998. — С. 268—269.

²¹ См., например: История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В четырех томах. — Алматы, 1996. — Т. 1: Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. — С. 8; Закиев М. З. Тюрки-татар этногенезы. — Казань; Москва, 1998.

²² См., например, Фаттахов Ф. Ш. Булгары — городское племя? // Проблемы лингвоэтноистории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 129—130; Мизиев И. М. О роли объективного освещения историко-этнографического наследия народов в современных межнациональных отношениях // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1991. — С. 82—83; Он же. История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура. — Нальчик, 1996. — С. 130, 132—133; Галлямов С. Великий Хау Бен. — Уфа, 1997. — С. 52, 59—60; Закиев М. З. Указ. соч. — С. 53 сл.

²³ Shnirelman V. A. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among non-Russian Intellectuals in Russia. — Washington, D.C.; Baltimore, 1996.

²⁴ Шнирельман В. А. Борьба за аланское наследство (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. — 1996. — № 5.

²⁵ Лежава Г. П. Между Грузией и Россией. — М., 1997; Shnirelman V. A. The Past as a Strategy for Ethnic Confrontation — Georgia // hCa Quarterly. — 1995. — № 14; Idem. National Identity and Myths Ofethnogenesis in Transcaucasia // Nation Building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identity. — Cambridge, 1998. — P. 56—57.

²⁶ Shnirelman V. A. National Identity... — P. 52.

²⁷ Ibid. — P. 63; Шнирельман В. А. Второе пришествие арийского мифа // Восток. — 1998. — № 1.

²⁸ Романенко С. А. История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века. — М., 1997.

²⁹ Шнирельман В. А. Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. — 1995. — № 6; Он же. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестн. Евразии. — 1998. — № 1—2.

³⁰ Shnirelman V. A. Alternative Prehistory // J. of European Archaeology. — 1995. — Vol. 3. — № 2. — P. 6.

³¹ Idem. Russian Neo-Pagan Myth and Antisemitism. Jerusalem. — 1998. — P. 3—7; Шнирельман В. А. От конфессионального к этническому... — С. 148—149; Он же. Где родился Заратустра и кому от этого стало легче? // Итоги. — 1999. — № 15 (150).

³² Любопытно, что по данным ВЦИОМ коллективные представления о прошлом приобретали в 90-х годах все более значимое место в идентичности россиян. См.: Дубин Б. В.

Прошлое в сегодняшних оценках россиян // Эконом. и соц. перемены: мониторинг общественного мнения. — 1996. — Сент.—Окт.). — № 5. — С. 28. Это вполне отвечает моему прогнозу, сформулированному несколько лет назад (*Шнирельман В. А.* Националистический миф... — С. 5).

³³ *Eriksen Th. H.* Op. cit. — P. 91—92; *Shnirelman V. A.* In Search of the Prestige Ancestors: Ethno-Nationalism and School Textbooks // Information Mitteilungen Communications: Intern. Gesellschaft für Geschichtsdidaktik. — 1999. — Vol. 20. — № 1.

³⁴ *Шнирельман В. А.* Евразийцы и евреи // Вестн. Евр. ун-та в Москве. — 1996. — № 1 (11). — С. 20—37; *Он же.* Движение биосферы милостью божьей // Итоги. — 1998. — № 9 (94).

³⁵ *Hannam C. L.* Op. cit.

³⁶ *Гузенкова Т. С.* Ностальгия по ненаписанной истории // Свобод. мысль. — 1997. — № 8. — С. 41—42.

³⁷ Правда, после некоторых колебаний украинские власти все же сделали выбор в пользу Богдана Хмельницкого, и в декабре 1995 г. в Киеве состоялись торжества по случаю 400-летней годовщины со дня его рождения. Президент Л. Кучма произнес весьма прочувственную речь, прославляющую героя (*Кучма Л. Д.* Людина надзвичайного масштабу // Літературна Україна. — 1995. — 28 дек.).

³⁸ *Мкртчян Л.* Прежде всего — не убивать! // Дружба народов. — 1989. — № 11. — С. 206. О таджикском взгляде см.: *Негматов Н. Н.* Таджикский феномен: история и теория. — Душанбе, 1997. — С. 158—161, 244—288 и особенно 289—292. В последние годы посягательства на древнее иранское наследие наблюдаются и со стороны казахских интеллектуалов. См., например: *Абдакимов А.* История Казахстана. — Алматы, 1994. — С. 88; *Барманкулов М. К.* Тюркская вселенная. — Алматы, 1996. — С. 29, 39—41, 118 сл. О обоснованности борьбы за древних мыслителей см.: *Панарин С. А.* Национализм в СНГ: мировоззренческие истоки // Свобод. мысль. — 1994. — № 5. — С. 36.

³⁹ См., например: *Шафиков Г. Г.* Крючья под ребро. — Уфа, 1993. — С. 41, 46.

⁴⁰ *Ставицкая Н.* За грехи наши тяжкие // Православ. Москва. — 1995. — № 20—21. — С. 10; *Резников К. Ю.* Украинцы и русские: идеология противостояния // Москва. — 1996. — № 4. — С. 129—132; *Есиков С. А.* Начальные века истории Российского государства и его первые правители: Материалы к лекции. — Тамбов, 1997. — С. 8; *Проскурин А. П.* Славянская мистерия // Экон. газ. — 1997. — № 15; *Фролов К.* Провинциальная схоластика: Украинская историография против истории // Независимая газ. — 1998. — 30 июля.

⁴¹ *Арапиев С.* О письменности гаргарейцев // Сердало. — 1997. — 13 нояб.

⁴² *Ворожейкина Н. И., Соловьев В. М., Студенкин М. Т.* Рассказы по родной истории. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 16—122; *Шашков А. Т., Редин Д. А.* История Урала с древнейших времен. — Екатеринбург, 1996. — С. 25 сл.; *История Отечества: Учебник для 8 класса средней школы.* — М., 1996. — С. 124—125. Также см.: *Преображенский А. А.* История раскрывает тайны: Рассказы для старшего школьного возраста. — М., 1991. — С. 129—135.

⁴³ О весьма показательной дискуссии по этому вопросу см.: *Козыбаев М. К.* История и современность. — Алма-Ата, 1991. — С. 136—161; *Он же.* Актандактар аякаты. — Алматы, 1992; *Халитов М. Х.* Не первопродцы, а первоубийцы... // Родина. — 1990. — № 5; *Никитин Н.* Предъявлять ли счет векам // Там же; *Он же.* Страсти вокруг Ермака, или Можно ли в наше время воспевать «завоевателей» и «покорителей» // Москва. — 1992. — № 7—8, 9—10; *Измайлов И.* Счеты и просчеты имперских историков // Родина. — 1994. — № 8; *Борисенко Ю.* Во власти новых штампов // Родина. — 1994. — № 8. Правда, в конце XVI в. у сибирских татар наблюдалось иное отношение к Ермаку. Тогда они почитали его как святого и с благоговением относились ко всему, что было с

ним связано. Об этом см.: *Бороздина Е., Томилов Н.* «Лечит природа» // *Земля сибирская, дальневосточная.* — 1992. — № 7—8. — С. 37.

⁴⁴ *Гропянов Е. В.* Атаман. — Петропавловск-Камчатский, 1997.

⁴⁵ *Измайлов И.* Обойдемся ли без общей истории? // *Родина.* — 1998. — № 4.

⁴⁶ *Sivan E.* The Arab Nation-State: in Search of a Usable Past // *Middle East Rev.* — 1987. — Spring.

⁴⁷ Пресса Украины потратила немало сил для того, чтобы представить древнерусских князей как великих деятелей древнего украинского государства. См., например: Их портреты на новых грошах // *Замкова Гора.* — 1996. — 16, 30 сент.

⁴⁸ *Абдакимов А.* Указ. соч. — С. 217, 220—223; *Gladney D. C.* Op. cit. — P. 463.

⁴⁹ Правда, соотношение звезд с отдельными племенами не вполне ясно. Племя эрсары вообще пропущено, что уже вызвало возмущение у происходящих из него эмигрантов, ныне живущих в Германии и Швеции. См.: *Bohr A.* The Central Asian States as Nationalising Regimes // *Nation Building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identity.* — Cambridge, 1998. — P. 145, 264, note 18.

⁵⁰ *Рогожин А.* Крест Христов как помеха межрелигиозному взаимодействию // *Радонеж.* — 1997. — № 5. — С. 8.

⁵¹ *Home D.* The Great Museum: The re-Presentation of History. — London; Sydney, 1984.

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ, КВАЗИИСТОРИОГРАФИЯ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА

В л а д и м и р К О Р Е Н Я К О

Настоящая статья¹ отчасти стимулирована наблюдениями автора над тем обширным потоком популярной литературы, который принято называть дилетантскими историческими сочинениями и который связан с оживлением этнонационалистической идеологии в 80—90-х годах. В соответствии с основным направлением своих профессиональных занятий — изучением традиционной культуры тюрко-монгольских народов — я старался следить в основном за теми публикациями, авторами которых являются представители тюркских и бурятского этносов. Но любой объективный наблюдатель, поставивший перед собой подобную цель, легко убедится в том, что плоды дилетантской историографии, при этом имеющие явно националистический привкус, обильны и во многих других этнических ареалах, хотя и не во всех. Исключением является, например, Калмыкия. Это объясняется тем, что основной идеей большинства этнонационалистических квази-историографических публикаций является автохтонность этноса. Предки калмыков (западно-монгольские этнические группы торгоутов, хошоутов и дербетов) появились в Поволжье, Прикаспии и Предкавказье «слишком поздно» — в XVII в. Позднее и чисто миграционное появление калмыков в современном ареале настолько бесспорно и общеизвестно, что автохтонистская гипотеза их этногенеза не имеет никакого смысла. Поэтому «государственная идеология» Республики Калмыкия — Хальмг Тангч строится не по «исторической», а по «философской» модели — с упором на «общечеловеческие», «планетарные» и «космические» мотивы, носителем и воплощением которых то ли является, то ли должна стать Калмыкия^{1а}.

Пестрый и исключительно обильный поток националистических квази-историографических публикаций — книжных, журнальных, газетных — уже нашел своих серьезных исследователей. Кажется, наиболее активным из них сегодня является В. Шнирельман². Он взял на себя роль основного академического критика тех разнообразных и назойливых текстов, которые выходят из-под перьев этнонационалистических публикаторов. На мой взгляд, В. Шнирельман хорошо справляется с этой ролью. Его насыщенные фактами и отличающиеся широким аналитическим подходом исследования позволяют мне не останавливаться спе-

циально на морфологии этноисторических мифов, т. е. на систематизации их «сквозных сюжетов» — эта работа В. Шнирельманом в целом уже сделана, — в различных публикациях он предлагает классификации из четырех, восьми³ и девяти позиций.

Существуют и другие классификации. Археолог Л. Клейн писал о трех наиболее характерных проявлениях синдрома национальной уязвленности в содержании археологических исследований. К ним он отнес:

«всемерное отстаивание исконности, глубочайшей древности своего народа и обитания его всегда, испокон веков, на его нынешней территории»;

«поиски “знатных предков”, происхождение от которых могло бы возвеличить уязвленный народ в собственных глазах и в глазах соседей»;

«войну на археологических картах, археологическую экспансию» — «представители каждого уязвленного народа стремятся представить территорию своего народа или землю своих “знатных предков” как можно более пространной, покрывающей и земли нынешних соседей»⁴.

Иными словами, морфология «сквозных сюжетов» может быть полной или неполной, укрупненной или дробной. При этом во всех случаях прослеживается общий смысл квазиисторических сюжетов: они направлены на идеализацию исторического прошлого определенного, «своего» этноса. Когда «отлет» таких идеализирующих фантазий от исторических фактов выходит далеко за рамки академической историографии, эпатированные читатели оценивают соответствующие дилетантские сочинения как бред. Возможна и более корректная оценка, но также с применением психиатрического термина: историографическая мегаломания (мания величия).

На мой взгляд, дилетантская квазиисториографическая публицистика — не просто и не только зеркало, в котором отражаются, например, тюркский (тюркистский) этнонационализм или русский шовинизм. Это вполне самобытное и довольно сложное явление. Если его основные мотивы («мифологемы», идеи, «сквозные сюжеты») вполне выяснены, то другие аспекты изучены недостаточно. К ним можно отнести истоки и причины квазиисториографического течения, его взаимоотношения с профессиональной академической наукой и другие моменты.

Уже сама этимология терминов «дилетант», «дилетантизм», «дилетантский» говорит о том, что мы имеем дело с противоречивым понятием. В общем дилетантами называют людей, пытающихся занять или уже занявших место в какой-либо сфере деятельности, которая требует специального обучения, профессиональной подготовки, но такого обучения не прошедших и подобной подготовки не получивших. При этом хорошо известны люди, формально бывшие дилетантами (точнее, не получившие статуса профессионала), но внесшие серьезный вклад в науку и технику, даже ставшие в этих областях корифеями.

Пример противоположного явления. В квазиисториографии последних 10—15 лет «отличились» археологи И. Мизиев (Кабардино-Балка-

рия) и Н. Мажитов (Башкирия). Оба сделали успешную профессиональную карьеру, занимаясь региональной археологией: Н. Мажитов специализировался на изучении средневековых памятников, И. Мизиев исследовал памятники средневековья и эпохи бронзы. И тот и другой обратились к археологии скифо-сарматских кочевников и попытались доказать их тюркскую языковую принадлежность. Это вызвало резкие возражения специалистов по скифо-сарматской археологии, поскольку практически все они считают скифов, савроматов, сарматов и саков ираноязычными. Академическая репутация Н. Мажитова и И. Мизиева сейчас несколько подпорчена, зато их популярность вне профессиональной среды выросла. Должны ли они быть объявлены дилетантами? И если они дилетанты, то в чем? Диссертационные советы и ВАК выдали им документы, официально удостоверяющие их профессиональный статус высококвалифицированных специалистов-археологов. Или они дилетанты потому, что, будучи археологами, занялись палеолингвистической атрибуцией древнекочевнических археологических культур? Но ведь и практически все оппоненты Н. Мажитова и И. Мизиева из числа скифологов и сарматоведов не имеют лингвистического образования и специальной подготовки в области иранской или тюркской филологии. Тогда есть основание объявить дилетантами этих упорных защитников скифо-сарматского ираноязычия — дискуссия в «квалификационном» плане идет на равных, и у них имеется лишь то небесспорное преимущество, что тезис об ираноязычии скифов и сарматов «академичен», а гипотеза о тюркоязычии — нет.

Напомню, что слово «дилетант» происходит от латинского «delecto» — услаждаю, забавляю. То есть дилетант — человек, получающий эмоциональное, психическое удовлетворение от своих занятий независимо от объективных результатов и оценки окружающих. Вознаграждения, рецензии, получение ученых степеней и званий вполне могут быть вторичными по сравнению с основным психическим стимулом. Таким образом, сомнительно, что все историографы-дилетанты — некие агенты националистических элит, исполнители идеологических заказов «этнических бизнесменов».

Их критики как раз предпочитают эту простую и рациональную модель: этническая (этнократическая) элита формулирует идеологический заказ («спускает лозунги»), а квазиисториографы этот заказ выполняют. Однако рассматривая конкретные сочинения, мы во многих случаях не можем обнаружить не только таких ясных связей между «заказчиками» и «исполнителями», но и «лозунгового» смысла основных сюжетов.

Обратимся, например, к публицистике М. Аджиева (Мурада Аджи), одного из наиболее известных тюркистских квазиисториографов-дилетантов. К числу основных его тезисов относится утверждение о том, что первоначальным ареалом христианства были не Палестина и Римская империя, а Алтай и «государство Дешт-и-Кипчак» IV—V вв. н. э.: «Ат-

тила и его соплеменники сделали Европу христианской»⁵. Разумеется, научная ценность данного утверждения равна нулю. Но при этом трудно представить себе корреляцию соответствующих глав книг М. Аджиева с какими-либо внятыми этнонационалистическими планами или лозунгами. Допустим, доверчивые читатели М. Аджиева поверят, что подлинное изначальное христианство — это тюркское «тенгрианство» и что тюркские народы приняли ислам «очень поздно», «от отчаяния и бессилия» и «очень формально»⁶. Каковы должны быть последствия этой инверсии, что должны делать теперь если не «тюркские народы», то их доверчивые представители, начитавшиеся книг М. Аджиева? Закрывать мечети? Строить церкви? Покупать Евангелия? Налаживать производство «тенгрианских крестов»?

Другой пример — один из самых эмоциональных пассажей М. Аджиева о том, как «наш кипчакский-половецкий народ», «потерявший запах емшан-травы», «судьбой разбит на осколки и разбросан по свету». «Так и случилось: из великого степного народа, в V в. покорившего Европу, теперь сделали маленькие “народики”. Важных карапузов. Так и идем мы по жизни — веками нас разделяли, чтобы властвовать над нами!.. Но “народики”, в ущерб Истине придумывающие себе прошлое, во сто крат страшнее и в тысячу раз позорнее. Они смирились со своим унижением, кандалы им больше не трут. Забыв древние святые образы, рисуют себе новые, очень сомнительного происхождения. Жалкие, потерянно копошащиеся, они уже не видят развалин величественного отчего дома, не чувствуют былую его теплоту»⁷.

Каков прикладной этнополитический смысл этих фраз? Что должны делать «народики-карапузы»? «Конструировать» единую историю? Создавать единый язык? Учреждать якутско-гагаузское государство (эти народы перечислены подряд в подзаголовке одной из книг нашего автора)?⁸

Такие простые и не находящие конкретных ответов вопросы подводят к мысли, что при анализе этого феномена примитивная схема «заказчики — исполнители» во многих случаях не работает. Для многих дилетантов-квазиисториографов основным стимулом является не исполнение заказов неких этнических элит, а самовыражение.

Сказанное заставляет относиться к термину «дилетантизм» достаточно сдержанно. Его можно применять с двумя существенными оговорками. Во-первых, граница между дилетантизмом и профессионализмом, даже соответствующим общепринятым академическим требованиям, более прозрачна, чем это многим кажется. Во-вторых, необходимо учитывать серьезный психический компонент этнонационалистической квазиисториографии.

Непреодолимость границы между дилетантской и профессиональной историографией иллюзорна, потому что «пограничные знаки» очень конкретны и бросаются в глаза. Например, мне для того, чтобы отнести какую-либо «тюркологическую» публикацию к дилетантским, достаточ-

но просмотреть ее «по диагонали» и обнаружить там что-то вроде «П. Карпини» или «Атиллы». Сразу видно, что автор, превративший первую часть фамилии Джованни дель Плано Карпини в инициал или упорно пишущий имя Атилы с одним «т» и двумя «л», не только не является тюркологом-профессионалом, но и просто невнимательно читал источники хотя бы в русских переводах, а то и вовсе в собственно источники не заглядывал.

Примерно то же писал И. Пьянков в рецензии на публикацию азербайджанского дилетанта Т. Мамедова: «...Кажущаяся доступность древней истории — обманчива и коварна. И дилетант попадает в западню, с первых же фраз выдавая “ляпы” и “перлы”, к сожалению, не всегда очевидные для массового читателя, но у специалистов вызывающие невольную улыбку (впрочем, иногда и ярость, и глубокую печаль — смотря по темпераменту). Дело тут даже не столько в фактических ошибках, искажениях и всяких несуразностях, — хотя и их бывает предостаточно, сколько в полном отсутствии специальной подготовки, которая приобретает годами и которую нельзя определить кратко и однозначно»⁹.

И. Пьянков в этой рецензии описывает и некоторые другие признаки дилетантской литературы. Некоторые из них могут быть установлены только после более или менее серьезного анализа. Например, недостаточное знание научной литературы и истории вопроса: «Не зная научной литературы, дилетант, естественно, не способен и ориентироваться в ней. Отсюда проистекают типичные для дилетантов ошибки: общепринятые распространенные положения они часто принимают за чье-то личное мнение или открытие... (И у дилетанта, не знакомого с литературой вопроса, не видящего “обоснования” в известных ему работах, словом, замечающего только вершинку айсберга, появляется соблазн легким щелчком опрокинуть весь айсберг, соблазн легких “опровержений” и “открытий”)... и наоборот, отдельные сомнительные и даже просто фантастические построения — за последнее слово науки, всеми признанное и окончательное»¹⁰.

Другие признаки, отмеченные И. Пьянковым, бросаются в глаза. Например, «способ звуковых уподоблений», в сущности имитирующий или даже пародирующий этимологический метод лингвистики, но с помощью которого можно буквально «творить чудеса». Действительно, более или менее объемистые колонки и таблицы, составленные из сходно звучащих разноязычных слов, довольно часто встречаются в сочинениях дилетантов. Еще один признак — особенности библиографии или справочного аппарата. Общим признаком дилетантских библиографий является, например, большая доля ссылок на научно-популярные издания. Особенность тюркологов-дилетантов — фактическое незнание западной тюркологической литературы, а она не только превосходит отечественную объемом, но и исследует многие проблемы, в изучении которых советские и российские тюркологи далеко отстали.

Итак, представление о границе между дилетантской квазиисториографией и академической историографией двойственно. С одной стороны, она обозначена конкретными и хорошо заметными признаками. С другой стороны, она «прозрачна», проницаема прежде всего благодаря не столь многочисленным, сколь заметным фигурам, вроде бы принадлежащим миру академической науки и во всяком случае начинавшим как исследователи академического типа, но затем эволюционировавшими в направлении дилетантизма.

Наиболее крупной и яркой или, как теперь принято говорить, «культуровой», «знаковой» фигурой этого рода для тюркофильской квазиисториографии и тюркской этнонационалистической публицистики давно стал Л. Гумилев.

Сочинения Л. Гумилева критиковались с двух основных точек зрения. Во-первых, его обвиняли в «биологизаторском» или «биолого-энергетическом» подходе к этнической истории¹¹. Другое направление критики было собственно историографическим. Наиболее известна критика гумилевской концепции русско-монгольских отношений XIII в., изложенная В. Чивилихиным в романе-эссе «Память»¹². Тюркологи и китаисты скорее игнорировали работы Л. Гумилева, чем критиковали; их оценки были кратки. В частности, они указывали на «органические дефекты источниковедческой базы его исследования», поскольку «основные источники» «представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня в распоряжении исследователя»¹³. Однако до тотальной или хотя бы относительно полной историографической и источниковедческой экспертизы книг Л. Гумилева дело до сих пор не дошло и скорее всего не дойдет.

Что касается журналистской критики Л. Гумилева, то она очень поверхностна и не вскрывает сути дела, даже когда к ней подключаются профессионалы. В марте 1998 г. журнал «Итоги» опубликовал статью Д. Драгунского «Массовая культура для избранных». Произведения Л. Гумилева объявлены «странным бантиком на пестрой упаковке современного российского масскульта»; хотя Л. Гумилев «в нищу массовой культуры попадает помимо собственной воли», но, «работая с неподдельным энтузиазмом дилетантов», с «эмоциональным напором, хлещущим со страниц сочинений», Л. Гумилев создал «интеллектуальные ужастики», в которых главное — «сенсационные выводы». Дополнительно к статье Д. Драгунского опубликована заметка В. Шнирельмана. Правильно указав основные методы гумилевской историософии, В. Шнирельман совершенно напрасно объясняет предложенную Л. Гумилевым концепцию этногенеза тем, что он «вдохновлялся древнекитайскими представлениям» «о жизненной энергии ци»¹⁴. Все, что Л. Гумилев написал о «древнекитайской мистике» (видимо, В. Шнирельман имеет в виду даосизм), укладывается в несколько абзацев и не свидетельствует ни о глубоких знаниях, ни о большом интересе¹⁵.

Вопрос о том, в какой мере Л. Гумилев был дилетантом, не столь интересен, как проблема его эволюции от тюркологии и кочевниковедения к историософии. Активная публикация в 80—90-х годах практически всех текстов Л. Гумилева и различных относящихся к его деятельности материалов позволяет проследить эту эволюцию и установить, что его вдохновляло на самом деле, что понуждало двигаться от профессионализма к дилетантизму.

По-видимому, вернувшись осенью 1956 г. в Ленинград из «мест не столь отдаленных», Л. Гумилев написал письмо в Прагу евразийцу П. Савицкому, в котором делился исследовательскими планами. Опубликовано ответное письмо П. Савицкого, из которого следует, что Л. Гумилев предполагал заняться «глубоким социальным анализом истории кочевников» и на этой основе объяснить «своеобразную ритмику» истории кочевого мира¹⁶. Одновременно обсуждалась и роль «географического фактора». Никаким глубоким социальным анализом Л. Гумилев впоследствии не занимался. Можно лишь догадываться, что такое намерение было. Может быть, оно было связано с антипатией к А. Бернштаму, выпустившему в 1946 г. книгу «Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок к VI—VIII веков»¹⁷. Л. Гумилев защитил кандидатскую диссертацию в 1948 г., тут же был арестован и отторгнут от научной работы еще на восемь лет. Он не скрывал, что считает А. Бернштама своим главным врагом и доносчиком, испортившим ему жизнь до 1956 г.¹⁸, когда не сильно разошлись во времени освобождение и возвращение в Ленинград Л. Гумилева и смерть А. Бернштама.

Вернувшись в Ленинград 44-летним кандидатом наук со скудным багажом публикаций, Л. Гумилев оказался перед необходимостью догонять коллег-ориенталистов. Выпуск в 1960 г. книги «Хунну», а затем — «Степной трилогии»: «Хунны в Китае» (1974), «Древние тюрки» (1967), «Поиски вымышленного царства» (1970), видимо, показал, что ликвидация «органических дефектов источниковедческой базы» — столь же неподъемное занятие, как и «глубокий социальный анализ истории кочевников». Книги хорошо покупались, но оценки коллег-профессионалов были сдержанными. Другая тема, интересовавшая Л. Гумилева в 60-х годах, — связь «ритмов кочевых культур» с климатическими колебаниями — в принципе не была оригинальной (на Западе ею начинали заниматься О. Латтимор и Р. Груссе) и сравнительно быстро исчерпала себя.

Нужен был большой, эффектный успех, и ради него можно было поступиться соображениями научной этики. Именно так можно объяснить скандальную историю с альбомом «Старобурятская живопись»¹⁹. Нынешние последователи и биографы Л. Гумилева пытаются выдать эту дилетантскую затею за некий хитроумный маневр, предпринятый гонимым ученым, — что-то наподобие эпизода из воспоминаний А. Солженицына «Бодался теленок с дубом». А Курочки пишет: «...В 1975 году Гумилев сделал головокружительный маневр, добившись опубликова-

ния в издательстве “Искусство” книги “Старобурятская живопись” о тибетско-бурятской иконописи, которая явилась и полной неожиданностью для клана искусствоведов, и стала поводом для их обиды. Появление этой книги на год-другой сбilo с толку преследователей, и они потратили еще лишнее время на поиски крамолы в этой книге-альбоме, посвященной толкованию буддологического канона и расшифровке сюжетов иконописи в тибетской и бурятской живописи»²⁰.

На самом деле альбом «Старобурятская живопись» был откровенной халтурой. Большая вступительная статья Л. Гумилева представляла собой компиляцию из его более ранних статей по истории Тибета и никак не связана с иллюстративной частью — иконами и скульптурами из Агинского дацана. Меньше всего статья посвящена «толкованию» буддийского изобразительного канона и «расшифровке сюжетов», да и большая часть этих сюжетов определена в ней неверно. После публикации альбома было проведено его академическое обсуждение. На нем Л. Гумилев не смог ответить на многочисленные конкретные претензии востоковедов и вполне откровенно признал, что главным для него был издательский успех, который не грозит тибетологам и искусствоведам-профессионалам — издательство-де все равно будет иметь дело с Л. Гумилевым, а не с ними²¹.

Это кредо талантливого исследователя, окончательно сориентировавшегося на читательский и издательский успех, на «большой эффект» и отбросившего как помеху этические нормы, вполне проявилось в созданной Л. Гумилевым теории этногенеза. Не буду останавливаться на том, насколько эта теория обоснована фактами. Попытаюсь осветить даже не стержневую идею пассионарности, а лишь, так сказать, последнее слово гумилевской концепции — представление о космическом факторе — вземном энергетическом импульсе, порождающем «пассионарный толчок», или «микромутацию, вызывающую появление пассионарного признака в популяции и приводящую к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах»²².

Л. Гумилев неоднократно писал, что ему удалось установить и локализовать на карте первичные зоны этногенеза, или «зоны пассионарных толчков» — «узкие, до 300 км шириной, полосы, тянущиеся в меридиональном или широтном направлении на 0,5 окружности планеты и похожие на геодезические полосы»²³. В одном интервью он рассказал, что не мог самостоятельно дать «космическое объяснение фактора икс», пока не оказался на «втором космо-антропоэкологическом конгрессе», где председательствовал академик Академии медицинских наук В. Казначеев, известный покровитель всяческих околонучных маргиналов от рерихианцев до лозоходцев. Здесь астрофизики А. Чечельницкий и И. Бутусов подсказали ему, что на земную поверхность воздействуют «частицы от солнечного ветра — заряженного потока плазмы и звездного ветра, сталкивающиеся на орбите Плутона»²⁴.

Несмотря на консультации у астрофизиков, Л. Гумилев имел путаное понятие о «космическом факторе пассионарных толчков». Он коле-

бался между двумя источниками «получения Землей энергии» — «от Солнца» и «от рассеянных пучков энергии в Галактике». Что касается «солярной гипотезы», то в одной части текста он мог написать о том, что ее «сразу можно отбросить... ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, а не узкую полосу шириной в 200—300 км»²⁵, а затем возвращался к «солярной гипотезе» и утверждал, что большинство «пассионарных толчков» совпадают с максимумами солнечной активности²⁶. В другой работе содержится прямо противоположное утверждение: «...Все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада»²⁷. И тогда он пытался выпутаться с помощью «каких-то космических лучей», «вариабельного космического облучения», «отдельных квантов или пучков космического излучения». Эти лучи то ли воздействуют на земную поверхность после образования «турбулентных завихрений» на орбите Плутона при встрече с «солнечным ветром» (но тогда нужна высокая солнечная активность), то ли обретают способность достигать земной поверхности при снижении «защитных свойств ионосферы» (тогда нужны спады солнечной активности).

В общем, мы наблюдаем муки дилетанта, запутавшегося в далекой от него научной области. Л. Гумилеву как гуманитарно и литератору были куда ближе конкретные образы вроде гиперолоида инженера Гарина или стрельбы из револьвера по глобусу в романе А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине». Он так примерно и писал: «Когда рассматриваешь ареалы пассионарных взрывов, то создается впечатление, будто земной шар исполосован неким лучом, причем с одной лишь стороны, а распространение пассионарного толчка ограничивалось кривизной планеты»²⁸.

Ясно, что такие представления не имеют ничего общего с азами астрофизики. Источником направленного излучения, кумулятивно и без девиации оставляющего на земной поверхности «зоны воздействия» шириной 200—300 км, не может быть ни само Солнце (при диаметре 1,395 млн км, что в 109 раз больше диаметра Земли, и при расстоянии от Земли до Солнца 150 млн км), ни его элементы. Высота типичного протуберанца — 40 тыс. км, ширина — 200 тыс. км. Даже диаметр наименьшего элемента фотосферы, т. е. излучающей поверхности Солнца — в среднем 1000 км. Что касается «солнечного ветра», то составляющие его протоны и электроны, проникнув в магнитное поле Земли, собираются на высоте 4 и 16 тыс. км в радиационные пояса (пояса Ван Аллена), имеющие размытые границы и ширину, сопоставимую с размером Земли (внешний пояс в несколько раз превосходит эти размеры). Из этих данных ясно и то, что звездная космическая энергия несолярного происхождения вовсе не способна «полосовать земной шар» в пределах 300 км по ширине.

В конце 60-х годов Л. Гумилев попытался подкрепить теорию пассионарности авторитетом выдающегося специалиста по радиационной

и популяционной генетике Н. Тимофеева-Ресовского. А. Курчки пишет: «Сам Гумилев считал теорию пассионарности своим вкладом в национальную русскую школу естествознания, где у него были, по его собственному счету, предшественники и прежде всего В. Вернадский, Н. Тимофеев-Ресовский»²⁹. Это явная натяжка, потому что сам А. Курчки опубликовал документы, относящиеся к контактам Л. Гумилева и Н. Тимофеева-Ресовского. Контакты эти имели отрицательный результат: Н. Тимофеев-Ресовский отказался от совместной публикации. Л. Гумилев составил таблицу, сопоставляющую их точки зрения. На такие вопросы, как «Не связано ли возникновение пассионарных мутаций с космическими лучами?» и даже «Не имеет ли пассионарность энергетическую основу по биохимическому закону В. Вернадского?». Н. Тимофеев-Ресовский отвечал отрицательно (Л. Гумилев, конечно, положительно). Скорее всего, Н. Тимофеев-Ресовский скептически отнесся и к самому понятию пассионарности, потому что на вопрос «Как объяснить суть пассионарности?» после определения Л. Гумилева («вид энергии») в таблице зафиксирован резкий ответ Н. Тимофеева-Ресовского: «Никак»³⁰.

В каком смысле Л. Гумилева можно считать предтечей тюркофильской квазиисториографии? Очевидно, что не в прямом смысле и не в смысле узком, т. е. собственно тюркистском.

В 1975 г. вышла книга О. Сулейменова «Аз и Я»³¹. Вторая часть этого нашумевшего сочинения называлась «Шумер-намэ», т. е. содержала развернутое изложение шумерского сюжета — одного из наиболее распространенных, почти обязательных в тюркофильской квазиисториографии. Утверждение о близости тюркских и шумерского языков включается во всяческие «программные» тексты, издаваемые пантюркистскими организациями^{31а}. Окажись Л. Гумилев действительно, как его упрекали, тюркофилом («татаролюбом»), ему следовало бы обрадоваться неожиданному союзнику и взять его под защиту. Но после публикации в журнале «Молодая гвардия» направленной против книги О. Сулейменова статьи А. Кузьмина «Точка в круге, из которой вырастает репей», он написал небольшой отклик «Спор с поэтом»³². Отклик этот вполне презрителен: «Количество фактических ляпсусов в книге Сулейменова превышает число страниц», «перед читателем поэтическая мистификация», «эмоциональные фантазмагории», «вымысел и безответственность суждений», «буйное воображение алма-атинского поэта».

В сочинениях Л. Гумилева нет тюрко-шумерских или тюрко-скифских отождествлений, неизменных для тюркистского этноисторического нарциссизма. Но если отвлечься от этнической окраски квазиисториографии, то Л. Гумилева можно считать ее предтечей. И именно тюркистские квазиисториографы не могут обойтись без Л. Гумилева, о чем свидетельствуют частое цитирование, многочисленные издания его работ и всяческие посмертные почести вроде учрежденного в новой казахстанской столице Астане Евразийского университета им. Л. Гумилева. Почему?

Очевидных причин две. Во-первых, Л. Гумилев, особенно после выхода в свет книги «Поиски вымышленного царства», в глазах тюркской и монгольской (в СССР — бурятской и калмыцкой) аудитории оказался защитником от «антикочевнических», «антистепных», «антизолотоордынских» стереотипов шовинистической историографии.

Во-вторых, Л. Гумилев резко снизил различимый широкой аудиторией уровень академического профессионализма, а благодаря литературному таланту и завидной плодовитости показал (и, что чрезвычайно важно, на личном примере): в глазах общественного мнения можно стать «великим ученым» и «властителем дум», не только не пытаясь подняться над дилетантским уровнем, но и обходясь без всякой рефлексии по поводу собственных, порой грубейших, ошибок. В истории с «космическим импульсом пассионарных толчков» он, по-видимому, просто пошел на подлог, выдавая несогласие Н. Тимофеева-Ресовского с главным тезисом «теории пассионарности» за согласие.

Ориентация на эффект представляется мне одним из проявлений общего современного кризиса гуманитарных наук³³, который нашел крайнее выражение в постмодернизме с характерными для него беззащитным самовыражением и интеллектуальной неряшливостью. Но этот кризис затронул и те направления научных исследований, которые формально, по методологии и аппарату остаются в пределах картезианской парадигмы. Степень проникновения кризисных явлений в профессиональную академическую науку можно установить на примере сосуществования в одном академическом головном институте (буквально на одном этаже одного здания) двух реконструкций восточнославянского этногенеза.

Известно, что излюбленным этногенетическим мифом украинского национализма является представление о происхождении украинцев (или восточных славян в целом) от носителей трипольской культуры. Хотя сама идея была высказана еще открывателем трипольских памятников украинским археологом В. Хвойкой, наибольший вклад в разработку концепции принадлежит Б. Рыбакову, около тридцати лет возглавлявшему Институт археологии Академии наук СССР. Реконструкция этногенетической преемственности между племенами трипольской культуры и восточными славянами проводилась им в нарушение всех хорошо известных методических процедур. Проблема субстрата, соотношения субстрата с адстратом им вообще не ставилась — племена трипольской культуры, а заодно и скифы-сколоты были просто объявлены праславянами³⁴. Несмотря на попытки критики³⁵, эффект этой гиперавтохтонистской гипотезы был налицо. Б. Рыбаков не только издал и переиздал свои сочинения на чрезвычайном для академического издательства «Наука» полиграфическом уровне, но и получил все мыслимые для советского археолога звания и награды.

Одновременно в качестве директора института Б. Рыбаков руководил работой над «Археологией СССР с древнейших времен до средне-

вековья» в 20 томах. Славянскому этногенезу посвящен том «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.». Там даны характеристики девяти археологических культур, среди которых обычно ищут кандидатов в предки славян. Из них с праславянами гипотетически можно связывать зарубинецкую, пшеворскую, киевскую и черняховскую культуры. Более или менее уверенно говорят о праславянской принадлежности пшеворской и киевской культур³⁶. Общее впечатление унылое, потому что по сути ситуация остается такой же, как во времена Л. Нидерле, писавшего еще в 1901 г. о полной путанице, царящей в представлениях археологов о славянских древностях до V века н. э. И это несмотря на целый век непрерывных раскопок и тысячи публикаций. Вещевой материал этих культур по сравнению с полихромной керамикой и выразительной пластикой трипольцев — «знатных предков» славян по Б. Рыбакову — невзрачен и никому, кроме специалистов, не интересен. В итоге — никаких эффектов и соответственно личных успехов.

Как видно, у академика Б. Рыбакова и его бывших подчиненных по Институту археологии подходы к проблеме разные. Однако квазиисториографические эффекты с железной необходимостью дают себя знать. Авторы тома не решаются вслед за Б. Рыбаковым растягивать процесс славянского этногенеза во времени и пространстве, но склонны об этом сожалеть. И славянская общность появляется до обидного поздно, и территория от Одера до Днепра кажется маловатой. Редактор тома И. Русанова писала: «По мнению сторонников одного направления, славянская общность — очень позднее образование, сложившееся лишь в середине I тысячелетия н. э... При таком представлении оказывается, что славянская общность сложилась необыкновенно быстро, создала сразу же довольно прочную и своеобразную культуру и распространилась на огромную территорию... Столь быстрое сложение огромной этнической общности, выступившей в середине I тысячелетия н. э. уже в сформировавшемся виде, кажется неправдоподобным»³⁷.

Разобранный пример показывает, насколько глубоко в среду профессиональных историков могут внедряться установки на неадекватные реконструкции, переходящие в квазиисторическую мегаломанию.

Основная опасность видится мне в том, что установка на удревление изучаемых объектов имманентно присуща историкам, особенно в тех областях, которые испытывают недостаток абсолютных хронологических реперов (археология, историческая этнография бесписьменных периферийных народов и т. п.). Еще М. Блок писал об этом «эмбриогеническом наваждении»: «Объяснение более близкого более далеким, естественно, любезное сердцу людей, которые избрали прошлое предметом своих занятий, порой гипнотизирует исследователей. Этот идол племени историков можно было бы назвать “манией происхождения”. <...> В обиходном словоупотреблении “истоки” — это начало, являющееся объяснением. Хуже того: достаточное для объяснения. Вот где

таится двусмысленность, вот где опасность. <...> В общем это уже было иллюзией прежних этимологов, которым казалось, что они все объяснили, когда, толкуя современное значение слова, приводили самое древнее из им известных... Как будто главная проблема не в том, чтобы узнать, как и почему произошел сдвиг значения»³⁸.

В нескольких публикациях, основанных на анализе отечественной археологической литературы последних десятилетий, мне уже приходилось констатировать, что с 70-х годов в таких областях, как археология бронзового века и скифо-сарматская археология, нарастала «тенденция к удревнению» памятников и культур. Многие карьеры здесь были сделаны именно на волне этой тенденции, принявшей в последнее десятилетие иррациональные формы некоей антиквомании («чем древнее, тем лучше») ³⁹. Например, проблема происхождения культур скифского типа была просто подменена все более древними датировками кочевнических памятников, а удревнение степных культур бронзового века сочеталось с судорожными и противоречивыми поисками «прародины» индоиранцев и индоариев.

В принципе «тенденцию к удревнению», крайние проявления которой действительно можно определить как антиквоманию, можно объяснить тем, что археолог Л. Клейн назвал «историзаторской тенденцией» или «панисторизмом» советской археологии (и наверняка ее «правопреемницы» — археологии российской). Он полагает, что «историзация» археологии произошла под давлением официальной философии с ее «принципом историзма»⁴⁰. Я считаю это объяснение отчасти верным, но односторонним. Его необходимо дополнить, во-первых, влиянием общего кризиса гуманитарных наук, сопровождавшимся отходом от картезианской парадигмы, размыванием научной этики и ориентацией специалистов на самоутверждение и эффекты. Во-вторых, целесообразно учитывать психические особенности гуманитариев (археологов, доисториков, этноисториков), занятых в специальностях, являющихся маргинальными по отношению к фундаментальным наукам. Маргинальное положение само по себе подталкивает к «поиску эффектов» и погружает в то «эмбриогеническое наваждение», о котором писал М. Блок.

Вина гуманитарных наук не только в том, чем и как они занимались, но и в том, чем они не занимались. Л. Клейн справедливо указывает, что «историзированная» археология (или, по известному выражению А. Арциховского, «история, вооруженная лопатой») развивалась «в обход источниковедческой базы». В стремлении обрести статус «исторической науки» археология не стала серьезной источниковедческой дисциплиной⁴¹.

Старательно избегая упреков в «чистом вещеведении», отечественные археологи (за единичными исключениями) не только не приступили к исследованию, но и не интересовались проблемами морфогенеза в материальной культуре и прикладном искусстве. Характерно полное отсутствие в отечественной археологии и этнографии работ, посвящен-

ных проблеме конвергентных явлений. Насколько мне известно, специальные оригинальные исследования конвергентных явлений материальной культуры в отечественной археологической литературе отсутствуют практически полностью. А ведь во многих ситуациях к этой проблеме специалистов, казалось бы, подталкивает сам материал, буквально «кричащий» о конвергенции. Но такая альтернатива в лучшем случае характеризуется скороговоркой в одном абзаце. Очень показателен в этом смысле сборник, составленный из статей советских и американских исследователей (Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981). Если бы отечественные гуманитарные дисциплины в этом направлении вышли хотя бы на западноевропейско-американский уровень (в общем, тоже не высокий), то и дилетанты знали бы о существовании академического барьера, не позволяющего любое сходство любых предметов с легкостью необычайной объяснять в автохтонистском или миграционистском духе. При отсутствии же теории морфогенеза и разработок по конвергентным феноменам вроде бы и не кажется диким дилетантством известное построение И. Мизиева и К. Лайпанова: скифы и сарматы известны античным авторам как «гиппомолги» («доители кобылиц»); тюркам свойственно употребление кумыса; следовательно, скифы и сарматы — тюрки⁴².

Этот пример подводит нас к еще одной проблеме, от разработки которой упорно отказываются академические историки и археологи. Речь идет о палеолингвистической атрибуции скифов, савроматов, сарматов, саков — в общем, носителей археологических культур скифского типа. В академической среде практически все согласны с концепцией В. Миллера — В. Абаева, по которой все эти древние этносы были ираноязычными. Однако многие иранские этимологии, приводившиеся В. Абаевым, кажутся мне не более убедительными, чем тюркские этимологии, предлагающиеся М. Закиевым, И. Мизиевым и К. Лайпановым. Отмечу, что в советской литературе идея о тюркоязычии казахстанского населения скифо-сакской эпохи высказывалась и казахскими лингвистами, причем довольно давно и главным образом теми, которых нельзя заподозрить в тюркистских этнонационалистических настроениях и которые были скорее «русософилами», — например, С. Аманжоловым. Еще больше смущают данные палеоантропологических исследований. Нет оснований не доверять антропологам, установившим наличие монголоидных элементов в краниологических сериях на территориях по крайней мере восточнее меридиана Аральского моря уже в VII—VI вв. до н. э.⁴³

Я не говорю о том, что эти факты опровергают господствующую концепцию ираноязычия саков, но в любом случае они говорят о наличии проблемы⁴⁴. Проблема не решается и даже корректно не ставится. Сторонники противоположных точек зрения существуют как бы в парал-

лельных мирах, высказываются в разных аудиториях, а если встречаются, то плодотворной дискуссии не выходит. Так было, например, в 1969 г. на научной сессии по этногенезу башкир в Уфе, когда сторонники гипотезы о присутствии тюркского элемента в Приуралье и Казахстане в скифо-сарматское время К. Петров и Н. Мажитов были одернuty большинством выступавших по принципу «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»⁴⁵.

Наконец, российские востоковедение, этнология, религиоведение получили в наследство от советской академической науки тяжкий дисбаланс между освоением исламского пласта в духовной культуре мусульманских народов и изучением доисламских реликтовых культурных феноменов. Достаточно взять библиографическую сводку по любому мусульманскому народу Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа, чтобы убедиться: усилия сосредоточивались и до сих пор направляются на поиск и интерпретацию так называемых «доисламских верований»⁴⁶. Именно на этом направлении работали целые подразделения институтов, защищались диссертации, строились карьеры и делались имена.

Впечатляет и сравнение, количественное и качественное, советской (российской) и западной исламоведческой литературы. Даже основной источник — Коран наши читатели очень долго вынуждены были изучать по единственному доступному изданию — переводу И. Крачковского. Разумеется, мне трудно оценить достоинства этого перевода, но как быть с комментариями, которые «не являются комментариями в прямом смысле слова» и только «еще должны были превратиться в комментарии в процессе предстоящей И. Крачковскому работы над переводом и в зависимости от направленности ее»?⁴⁷

Из квалифицированной справочной литературы наши читатели имеют небольшой словарь, изданный в 1991 г. тиражом 50 тыс. экземпляров⁴⁸. На Западе к услугам англоязычной, германоязычной и франкофонной аудитории — целый набор энциклопедий по исламу, в том числе несколько многотомных справочников.

Понятно, что если бы не этот дисбаланс, если бы знание исламской культуры в российской гуманитарной среде находилось на достойном уровне, то меньше было бы шансов на успех у доморощенных тюркистских этимологий и архаизирующих гипотез, из которых, собственно, и выросла вся тюркская дилетантская квазиисториографическая публицистика.

В. Тишков совершенно справедливо отмечал: «Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени “русской нации” как некоей “государствообразующей” или “сплачивающей” нации, да еще превращающий ее в некий “суперэтнос”»⁴⁹.

Применительно к теме статьи это означает, что русская шовинистическая квазиисториографическая публицистика обладает куда больши-

ми стажем и объемом, чем все упражнения тюркистских историков-дилетантов, вместе взятые. Она родилась не вчера — уже в XIX в. она цвела пышным цветом и была представлена именами В. Ламанского, А. Черткова, А. Вельтмана, А. Риттиха и др. И в советское время, особенно в 80-е годы, «историософствующие» фантазеры-шовинисты пользовались мощной поддержкой государственных издательств, например, «Молодой гвардии». Напомню, что, несмотря на появление в тюркской националистической среде историографических фальсификаций⁵⁰, ни одна из них не получила и вряд ли получит такие пропаганду и аудиторию, как знаменитая «Влесова книга».

Примечания

¹ Данная статья представляет собой переработанный текст доклада «Тюркский национализм в зеркале дилетантской литературы», прочитанного в Московском Центре Карнеги 22 октября 1998 г.

^{1a} *Иломжинов К. Н.* Калмыкия — земля духа: национальная идея. — Элиста, 1997. — 43 с.; *Он же.* Моя политика: Штрихи размышлений. — Элиста, 1997. — 35 с.

² *Шнирельман В. А.* Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // *Славяноведение.* — 1995. — № 6. — С. 3—13; *Он же.* Борьба за аланское наследие (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // *Восток.* — 1996. — № 5. — С. 100—113; *Он же.* Постмодернизм и исторические мифы в современной России // *Вестн. Омского ун-та.* — 1998. — № 1. — С. 66—71; *Он же.* Неоязычество и национализм: Восточно-европейский ареал. — М., 1998. — 32 с.; *Shnirelman V. A.* Alternative Prehistory // *J. of European Archaeology.* — 1995. — Autumn. — Vol. 3.2. — P. 1—20. *Idem.* Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. — Washington; Baltimore; London, 1996. — IX, 98 p.; *Idem.* Etnogeneze jakozto politika aneb Proc se soveti tolik venovali etnogenetickým studiim // *Cesky lid.* — 1997. — № 1. — S. 39—57.

³ *Snirelman V. A.* Etnogeneze jakozto politika... — S. 44—52.

⁴ *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. — СПб., 1993. — С. 66—68.

⁵ *Аджиев М.* Мы — из рода половецко! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. — [Б. м.], 1992. — С. 76—102; *Аджи М.* Полынь Половецкого Поля: Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его. — М., 1994. — С. 193—250.

⁶ *Аджиев М.* Мы — из рода половецко!.. — С. 80, 81.

⁷ *Аджи М.* Полынь Половецкого Поля... — С. 14, 15.

⁸ Можно предположить три линии воздействия пассажа М. Аджиева о «народиках-карапузах» и подобных ему текстов. Первая: получает очередной стимул тюркистское «говорение» о некоем древнем общем величии. Вторая: эпатированность, раздраженность тюркского читателя, возникающая от того, что его народ назван «народиком-карапузом». Третий вариант воздействия, несколько неожиданный, зафиксирован мной в ногайском ареале (Ногайский район Дагестана) во время полевых исследований 1995 и 1996 гг. после того, как к ногайским читателям попала вышедшая в Москве в 1994 г. книга М. Аджиева «Полынь Половецкого Поля...». Хотя в самом тексте М. Аджиев упоминает ногайцев, но в подзаголовке среди «народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня», их нет. Это вызвало единодушные претензии ногайских интеллиген-

тов к М. Аджиеву: в список «народиков-карапузов» он не включил ногайцев, для этнонационалистических деятелей которых кипчакское происхождение народа бесспорно и служит предметом гордости.

⁹ Пьянков И. О некоторых грубых ошибках в интерпретации фактов истории // Изв. Акад. наук Азербайджанской ССР. Сер. истории, философии и права. — 1990. — № 1. — С. 176.

¹⁰ Пьянков И. В. Указ. соч. — С. 177.

¹¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). — М., 1981. — С. 247; Ефремов Ю. К. Важное звено в цепи связей человека с природой // Природа. — 1971. — № 2. — С. 77—80; Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопр. истории. — 1974. — № 12. — С. 72—85; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983. — С. 20, 209, 210, 213—215.

¹² Чивилихин В. А. Память: Роман-эссе. — М., 1982. — С. 462—482, 488, 490—499, 516, 544, 545.

¹³ Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. — М., 1979. — С. 7, 8, 60, 61.

¹⁴ Драгунский Д. Массовая культура для избранных // Итоги. — 1988. — № 9 (94). — С. 50—53; Шнирельман В. Движение биосферы милостью божьей // Итоги. — 1988. — № 9 (94). — С. 51, 52. Отрицательный читательский отзыв на эти публикации см.: Тананайко О. Д. О Гумилеве // Итоги. — 1988. — № 14 (99). — С. 4.

¹⁵ См., например: Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. — М., 1997. — С. 208. Вполне и нарочито дилетантские рассуждения о даосизме занимают как раз один абзац: «Откровенно говоря, я долгое время, сколько ни читал всякой литературы, не мог понять, что такое “Дао”. Но когда стал общаться с китайцами, то все-таки кое-что понял (они мне объяснили и я нутром почувствовал). Дао — это Вселенная с диаметром в бесконечность, которая то сокращается до точки, то опять расширяется... Вот такая пульсирующая Вселенная и есть “Дао”. Понятнее объяснить не могу».

¹⁶ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. — М., 1993. — С. 205—211 (письмо П. Савицкого Л. Гумилеву от 1 января 1957 г.).

¹⁷ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. — М.; Л., 1946. — 208 с.

¹⁸ Гумилев Л. Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. — С. 25.

¹⁹ Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. — Л., 1975. — 168 с.

²⁰ Куркчи А. И. Л. Гумилев и его время // Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». — М., 1997. — С. 49.

²¹ Гумилев Л. Н. Древний Тибет. — М., 1996. — 560 с. В книге воспроизведены иллюстрации к альбому «Старобурятская живопись» с сопоставлением атрибуций Л. Гумилева и новых атрибуций, предложенных Т. Сергеевой. Опубликована запись обсуждения книги Л. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии 10 июня 1976 г.

²² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 1997. — С. 608.

²³ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. — С. 14—18. Он же. Аннотация на книгу «Этногенез и биосфера Земли» // Гумилев Л. Н. От Руси до России. — М., 1994. — С. 552, 553. Он же. Конец и вновь начало. — С. 123—125, 403. Он же. Этногенез и биосфера Земли. — С. 412—416.

²⁴ Лев Гумилев — Дмитрий Балашов: в какое время мы живем? // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. — С. 145. Впервые это интервью было опубликовано в 1990 г. (Согласие. — 1990. — № 1. — С. 3—19). Л. Гумилев ссылался на кн.: Чечельниц-

кий А. М. Экстремальность, устойчивость, резонансность в астродинамике и космонавтике. — М., 1980. — 168 с.

²⁵ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. — С. 405, 406.

²⁶ Там же. — С. 406. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — С. 26—28.

²⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — С. 578, 583.

²⁸ Там же. — С. 391, 392. Ср. у братьев Стругацких: «Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть... заключается в простом факте: все шесть зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля — Денеб» (Стругацкий А. Н., Стругацкая Б. Н. Пикник на обочине; Парень из преисподней; За миллиард лет до конца света; Повесть о дружбе и недружбе. — М., 1993. — С. 7).

²⁹ Курджи А. Н. Л. Гумилев и его время. — С. 25.

³⁰ Приложение // Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — С. 614—628 (таблицы, сопоставляющие «гипотезы и мысли Л. Н. Гумилева» и «устные ответы Н. В. Тимофеева-Ресовского и Н. В. Глотова», — с. 624, 625). Вдова Л. Гумилева Н. Гумилева вспоминала: «Тимофеев-Ресовский, как мне после рассказал Лев, обозвал его сумасшедшим параноиком, обуреваемым навязчивой идеей доказать существование пассионарности» (Там же. — С. 616, 617).

³¹ Сулейменов О. О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата, 1975. — 304 с.

^{31a} См., например: Моральный кодекс тюркской молодежи. — Анкара, 1996. — С. 36—38. «Кодекс» издан на турецком и русском языках Международным объединением тюркской молодежи, тираж распространялся в 1996—1997 гг. в Поволжье и на Северном Кавказе. Анонимные авторы «Кодекса» одновременно с шумерским связывали «тюркский язык» также с урартским и хаттским — «по типу приставок» или «по одинаковому применению приставок».

³² Опубликован впервые только в 1997 г. Гумилев Л. Н. Спор с поэтом: По поводу статьи А. Кузьмина «Точка в круге, из которой вырастет репей» // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1997. — Кн. 2. — С. 519—524.

³³ Кореняко В. А. Константин Федорович Смирнов как исследователь // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. — Азов, 1994. — Вып. 12. — С. 8—29.

³⁴ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Историко-археологический анализ. — М., 1979. — С. 195—238; Он же. Новая концепция истории Киевской Руси (Тезисы) // История СССР. — 1981. — № 1. — С. 55—75; № 2. — С. 40—59; Он же. Язычество древних славян. — М., 1981. — 608 с.; Он же. Язычество древней Руси. — М., 1988. — С. 8—120 и др.

³⁵ См., например: Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? // Вопр. истории. — 1993. — № 1. — С. 23—31.

³⁶ Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. — М., 1993. — 328 с.

³⁷ Русанова И. П. Заключение // Славяне и их соседи... — С. 195.

³⁸ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: Изд. 2-е / Пер. Е. М. Лысенко; примеч. А. Я. Гуревича. — М., 1986. — С. 19—21. — (Памятники ист. мысли).

³⁹ Кореняко В. А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. — Ростов н/Д, 1990. — С. 4—17; Он же. Константин Федорович Смирнов как исследователь.

⁴⁰ Клейн Л. С. Феномен советской археологии. — С. 55—63.

⁴¹ Там же. — С. 56—58.

⁴² *Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.* О происхождении тюркских народов. — Черкесск, 1993. — С. 27, 46, 48, 51, 90.

⁴³ См., например: *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. — М., 1972. — С. 106, 109—140, 341.

⁴⁴ *Вильданов А. А.* К проблеме этнической принадлежности алан // С. И. Руденко и башкиры. — Уфа, 1998. — С. 155.

⁴⁵ *Мажитов Н. А.* Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1971. — Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. — С. 11—16; *Петров К. И.* Об общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков // Там же. — С. 263—267; [Выступления в прениях В. Генинга, К. Петрова, В. Оборина, М. Мошковой, Н. Мажитова, Р. Кузеева] // Там же. — С. 332—346.

⁴⁶ См., например: *Ярлыкапов А. А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. — Махачкала, 1998.

⁴⁷ *Грязневич П.* Предисловие ко второму изданию // Коран: Изд. 2-е / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. — М., 1986. — С. 12.

⁴⁸ Ислам: Энциклопедический словарь. — М., 1991. — 315 с.

⁴⁹ *Тишков В. А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. — М., 1996. — С. 35, 36.

⁵⁰ *Бахши Иман.* Джагфар тарихы. Том 1. Свод болгарских летописей. 1680 год; Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное жителем города Петропавловска И. М.-К. Нигматуллиным в 1939 году. — Оренбург, 1993. — 400 с.

РЕГИОНАЛЬНОЕ «ГРАЖДАНСКОЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО»: ВАРИАНТ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Григорий КОСАЧ

В последние годы существования Советского Союза и в еще большей мере в постсоветские времена заметно проявился интерес элит многонациональных, но русских в своей основе регионов к тому, что эти элиты начали называть «национальной политикой». Разумеется, сама возможность выделения «национальной политики» в качестве одного из приоритетов вытекала из обстоятельств геополитической реальности, становившейся фоном, необходимым для оправдания движения к конструированию спаянного регионального человеческого сообщества. Естественно, на выбор инструментальных форм реализации «национальной политики» оказывал воздействие вызов (реальный или мнимый) со стороны национальных движений. Наконец, содержание этой политики определяли пристрастия, симпатии или антипатии тех или иных региональных лидеров. Оренбургская область в этом отношении не исключение.

Оренбургское региональное «гражданское полиэтническое сообщество»: контекст движения к конструированию

Начало 90-х годов было временем действительно серьезных изменений в геополитическом положении Оренбургской области. Речь идет прежде всего о возникновении новой государственной границы между Россией и Казахстаном — треть всей пограничной линии между двумя государствами (1876 км) проходит по территории области¹. В этот же период внутри страны некоторые субъекты Федерации добились беспрецедентного статуса (на Южном Урале и в Поволжье это относится в первую очередь к Башкирии и Татарстану).

В областном центре говорили, что Оренбург вновь становится форпостом страны на юго-восточных рубежах. Развивая эту мысль, местные исследователи и представители администрации подчеркивали, что на фоне соседних российских административных единиц «географическое положение области имеет и политические аспекты». Их смысл в том, что «между западными и восточными регионами России... тянется сплошной массив национально-территориальных образований. И только на территории Оренбургской области юрисдикция верховной власти

России не опосредована суверенитетом республик в составе Федерации»².

Делая акцент на вновь сложившейся ситуации (процитированная мысль стала общим местом оренбургских изданий постсоветского времени), в Оренбурге, конечно же, хотели сказать, что область стала едва ли не единственным в регионе элементом сохранения российской государственности и упрочения ее безопасности, отрицая такую возможность для Татарстана и Башкирии. При этом не менее отчетливо подчеркивалось, что изменение геополитического положения области вызвало к жизни становившийся действительно осязаемым социально-экономический кризис. Граница жестко корректировала сложившиеся в советское время традиции связей с соседними регионами Казахстана, когда прилегающие к области административные единицы этой тогда советской республики были аграрно-сырьевой периферией оренбургских индустриальных гигантов. При этом возможности кооперации в региональном масштабе не использовались. Хозяйственные комплексы республик и областей Урала и Поволжья были не взаимодополняемыми, а ориентированными на поддержание связей с иными центрами страны и внешним миром.

Резюмируя последствия распада Советского Союза, оренбургский исследователь, а ныне начальник информационно-аналитического управления областной администрации В. Рагузин отмечал, что «изменение геополитического положения» и «социальная и экономическая нестабильность» вызвали к жизни «рост национального самосознания», становившегося реальностью под воздействием в том числе и «националистических проявлений, транслируемых из республик Казахстан, Башкортостан и Татарстан». Далее он делал не оставлявший сомнений вывод: «Область находится под влиянием негативных информационных... потоков из сопредельных территорий, характеризуется средоточием взрывоопасных факторов социальной и экономической нестабильности»³.

Конечно, Оренбургская область — регион, в котором преобладают русские, составляющие 72,3% (1 568 тыс. человек) ее почти двухмиллионного населения⁴. Немалая доля украинцев (4,7%) превращает это преобладание в неоспоримое доминирование славянских национальных групп, определяющее и конфессиональный характер области, христианской и главным образом православной⁵. Это доминирование, разумеется, отнюдь не означает, что в области нет неславянских (в первую очередь тюрко-мусульманских) национальных сообществ. Но на фоне русского/славянского доминирования они кажутся незначительными (7,3% татар, 5,1% казахов и 2,4% башкир⁶) и маргинальными. Тем не менее их присутствие становилось серьезным фактором внутрорегионального политического процесса.

Едва ли не ведущий идеолог региональной «национальной политики» первых лет постсоветской эволюции В. Торукало писала, что в кон-

це 80-х годов областная администрация впервые столкнулась с накопившимися в сфере межнациональных отношений «проблемами и недостатками, требовавшими безотлагательного решения». Речь шла об «обидах и нареканиях», высказывавшихся «отдельными группами населения» в отношении национального состава выборных органов в районах компактного проживания прежде всего тюрко-мусульманских меньшинств и «снижении сети школ с преподаванием родного языка». Но подразумевалось нечто большее. Из слов этого автора о том, что «остро ставятся вопросы о написании истории межнациональных отношений, изучении культурного прошлого народов, населяющих область, о расширении радио- и телепередач, о выпуске газет на национальных языках», вытекало, что советские попытки ассимиляции не достигли своей цели.

Представители местных тюрко-мусульманских меньшинств ставили под вопрос легитимность прошлого советского дискурса, отрицая его устоявшиеся символы, среди которых, как им казалось, не было места («обида и нарекание»!) структурным элементам их собственного национального мифа, и стремились включить эти элементы в создававшийся российский дискурс. В уставах новых общественных объединений провозглашалась необходимость создания школ с всеобъемлющим преподаванием на национальных языках. Названия улиц и площадей Оренбурга и других населенных пунктов, памятники и мемориальные доски должны были отражать деятельность ведущих фигур татарской, башкирской и казахской культур, факты общественно-политической жизни трех народов в областном центре и на подчиненной ему территории⁷. Более того, они стремились наполнить национальный миф едва ли не требованием окончательного межнационального размежевания. Видимо, лишь так можно понять слова В. Торукало о том, что кое-где в районах области «наблюдается тенденция разделения колхозов на межнациональной основе»⁸. При этом активисты татарского и башкирского национальных меньшинств жестко противопоставляли друг другу оба этих сообщества.

На территории области возникли национальные движения. В середине 90-х годов было 34 объединения⁹ — русских, татар, башкир, казахов, мордвы, немцев, выходцев из Закавказья и Северного Кавказа и др. Но в Оренбурге обращали внимание в первую очередь на национальные центры местных тюрко-мусульманских меньшинств. Это было оправданно и естественно.

Объединения переселявшихся в регион выходцев из новых закавказских государств и российских северокавказских республик становились не столько инструментом сохранения национальной культуры, сколько орудием сплочения входившей в их ряды предпринимательской страны. Немецкое же национальное объединение, в задачи которого входило прежде всего приостановление резко возраставшей в начале 90-х годов эмиграции в Германию, администрация не могла оценивать как

деструктивную силу. В равной мере это относилось и к объединениям украинцев и мордвы, создававшимся при полной поддержке областных властей, — вопросы национальной самобытности для них означали не более чем поддержание реликтов этнического самосознания, постоянно разрушавшегося вследствие близости языков (в случае украинцев) и отсутствия религиозного барьера (среди украинцев и мордвы распространено православие), способного разделить их и русское большинство. Все эти центры и администрацию объединяло стремление не допустить (даже если это было обычной фобией) изменения границ области¹⁰.

Для тюрко-мусульманских национальных объединений ситуация была во многом иной. Они пытались представлять интересы коренных народов, между которыми и их славянскими или православными соседями имелась четкая грань конфессионального различия. Значительные группы татарского, башкирского и казахского населения проживали в некоторых районах области, непосредственно прилегающих к границам двух российских республик и Казахстана. Все три тюрко-мусульманские сообщества были мало затронуты процессами индустриализации, шедшими в области в советское время. Выходцы из их среды были слабо представлены в структурах областной исполнительной власти. Наконец, активисты, стремившиеся говорить от имени этих движений, публично заявляли о поддержке государственного суверенитета Казахстана, Башкирии и Татарстана и под лозунгами возрождения национальной культуры требовали коренного пересмотра непрестижного статуса своих национальных групп¹¹.

В начале 90-х годов представители областной администрации были вынуждены открыто признать, что ситуация в сфере национальных культур (прагматические обстоятельства предполагали, что имелись в виду в первую очередь тюркоязычные этносы) нетерпима: «почти забыты литературные языки многих народов, утрачены трудовые традиции, духовно-нравственные ценности, утрачена самобытная педагогическая культура». Местная элита искала ответ на вызов активистов тюрко-мусульманских национальных сообществ, казавшийся тогда существенным и опасным.

В дальнейшем едва ли не более серьезный вызов был брошен оренбургской элите активистами объединений русского национального большинства. Выводы, делавшиеся ими (в частности, представителями Русского национального единства), не были, конечно, оригинальны и лишь повторяли высказывания лидеров их руководящих структур. Они говорили о необходимости восстановления единства «насильственно разделенной» русской нации и ее праве использовать методы «обороны и народно- или национально-освободительной борьбы», русском характере российской государственности и крахе различных вариантов «евразийства». Распад Советского Союза квалифицировался ими как освобождение «первозданных форм русской государственности» и возникновение перед нею «новых перспектив развития», предполагавших, в

частности, введение принципов «национально-пропорционального представительства при выборе всех “ветвей власти”», губернизации и отмены на этой основе «спорных в своем существе и потенции автономий, национальных округов, этнографических заповедников». Едва ли не самым существенным выводом в этой связи стало требование восстановления «самой государственной роли русского человека, его национального самосознания», чтобы русский человек стал ведущей силой нынешней российской государственности, — «русский человек должен утвердиться и в своих, и в чужих глазах как главная и, в конечном итоге, как всё решающая сила»¹².

Неоригинальность этих высказываний искупалась принципиальностью их контекста. Описывая новый поворот в развитии событий внутриобластного масштаба, глава Комитета по международным отношениям областной администрации В. Амелин отмечал расширение «сети организаций, политических партий, идеологией которых является русский национализм». Для него очередной вызов региональной элите был опять связан с результатами изменения геополитической ситуации в области, прежде всего с миграцией русскоязычного и титульного населения из центрально-азиатских государств¹³, становившейся основным предлогом для нападок активистов русского национального движения на администрацию. В. Амелин отмечал, что они «обвиняли власти в том, что, принимая “азиатов” в Оренбуржье (переселенцев и беженцев), те превращают его в Вавилон, судьба которого в истории известна». Но, конечно, он не мог не упомянуть и о традиционном для русских национальных активистов обвинении властей в том, что «местные “просионистские” СМИ и чиновники» ведут «отстрел русской оппозиции»¹⁴.

Сохранение позиций регионального «правлящего класса» и исключение возможности резкого изменения его состава сделалась ведущим принципом провозглашавшейся областной администрацией «национальной политики».

Область становилась «многонациональной и поликонфессиональной»¹⁵. Естественно, оба элемента этого определения не были признаком какой-то новой реальности. Значительно более важным было другое — контекст подчеркнутого внимания к «многонациональному миру Оренбуржья»¹⁶, а также меры, включавшиеся в содержание «национальной политики» областной администрации. Власть отказалась от оказавшегося неудачным советского опыта ассимиляции и заявила о готовности удовлетворить требования местных национальных движений и организаций, относившиеся к национальной культуре, которую эти движения полагали самоудовлетворяющей ценностью.

В Оренбурге начали настойчиво говорить о развивающемся в стране процессе «национально-культурного возрождения как главном факторе умонастроения и поведения людей». Там считали, что этот процесс стал едва ли не важнейшей проблемой «российских структур управления» включая и местную администрацию, задачей которой провозгла-

шалось его выведение «из сферы политических действий, поскольку национально-культурное возрождение при определенных социально-экономических и политических условиях относится к идеологии этнического национализма». А это, в свою очередь, предполагало, что участники вдохновляющихся ею движений не только считают, что «народ может сохранить и... развивать свою культуру лишь в рамках национального государства», но и способны претворить эту идеологию в формах «сепаратизма... либо ирредентизма»¹⁷. Исключить возможность развития событий в этом направлении можно было бы, лишь инкорпорировав тюрко-мусульманские общественные движения в общерегиональную политическую структуру.

Если России «присущи западные и восточные корни»¹⁸, то и на входящую в ее состав Оренбургскую область — «существенную часть Российского евразийского государства» — это положение распространяется без каких-либо изъятий. Область, по словам В. Рагузина, «имеет богатую собственную этнополитическую историю, устойчивые традиции и территориальную ментальность», она выступает в качестве «самобытного... региона»¹⁹, находящегося «на стыке Европы и Азии», где встречаются «лицом к лицу христианская и мусульманская цивилизации»²⁰, а православие и ислам выступают как исторически традиционные религии его населения. Местная элита провозглашала важнейший принцип идеологии собственной «национальной политики».

Процитированное высказывание определяло прежде всего региональную специфику области. Но оно же подчеркивало ее статус в качестве неотъемлемого элемента общероссийского государственного образования. Продолжая свою мысль, В. Рагузин вновь противопоставлял область и соседние национально-государственные формирования, где развивается процесс «утверждения и узконационалистических и недемократических норм и правил с целью добиться исключительного статуса для так называемых “коренных наций”... за счет русского большинства или меньшинства и других локальных меньшинств», вследствие чего эти республики становились «оплотом консервативной оппозиции демократическим переменам» и «мини-империями»²¹. Областная администрация заявляла о стремлении принципиально иначе строить «национальную политику». Эта политика провозглашалась демократической. В течение всего периода постсоветской эволюции (до конца 1999 г.) главой администрации области был В. Елагин, первоначально назначенный на этот пост Б. Ельциным. Отсюда, в частности, проистекает склонность местной элиты акцентировать государственный статус области, означавший, что в ее пределах будет созидаться «российская нация», частью которой станет «многонациональное и поликонфессиональное» население региона.

Слова В. Торукало лишь подтверждали это. «Мы абсолютно убеждены, — подчеркивала она, — что каждый народ, нация, государство должно иметь идеологию, т. е. совокупность идеалов, идей, ценностей. Без

этого духовного стержня нация распадается, рвутся культурные скрепы, превращающие огромное количество индивидов в единый народ». И далее: «Нужна идеология Российского государства, духовно интегрирующая общество, вбирающая в себя и общечеловеческие ценности, и специфику России». Такой идеологией, по ее мнению, должна была стать доктрина «Российского Возрождения государства и экономики, возрождения духовности, нравственности и культуры, возрождения российских традиций, национальностей и становления русского народа». Если формирование этой доктрины в ее законченном виде (речь шла о федеральной власти) является слишком «масштабным, сложным и длительным» процессом, то в условиях Оренбургской области уже настало время «обратиться к апробированным историей ценностям», способным составить ее «фундамент». Этими ценностями объявлялись «здоровый образ жизни, права и свободы гражданина и человека, честный труд, семья, Родина, собственность, социальная справедливость», а также «материальный жизненный успех, но не в том гипертрофированном, искаженном значении, которое... бездумно и назойливо пропагандируется и навязывается нашим гражданам»²². Иными словами, та идеология, в которой нуждалась оренбургская администрация, не могла не быть государственной, — «по своим геополитическим, этнодемографическим условиям, экономическому потенциалу Оренбургская область представляет собой “микро-Россию”», как говорил В. Амелин²³.

Итак, оренбургская элита вдохновлялась идеей формирования на территории области «гражданского сообщества» как одного из многочисленных региональных элементов «русской нации». Это сообщество должно было стать «полиэтническим». Процесс его становления местная элита ни в коем случае не собиралась отдать на волю стихии. Он должен был стать управляемым и в силу этого целенаправленным. Благодаря ему в границах области должно было появиться искомое самостоятельное общество, рассматриваемое в качестве инструмента регионального и общегосударственного возрождения. И возможность формирования такого «сообщества» появлялась постольку, поскольку все населяющие область этнические группы независимо от провозглашавшихся их активистами задач национального строительства одинаково понимали то, что В. Торукало называла «апробированными историей ценностями». Но речь шла не только об этой стороне возможности создания оренбургского «гражданского сообщества». Его, как считали в Оренбурге, должно было объединить и единство исторической судьбы. В этой связи достаточно процитировать учебное пособие «История Оренбуржья», подготовленное группой местных ученых под руководством профессора Л. Футуриянского.

Оренбургский край, говорилось в нем, был основан «по мысли и по воле Петра I его талантливыми сподвижниками», он стал «не только защитой империи от кочевников, но и зоной процветания торговли на стыке Европы и Азии»²⁴. В этом российском регионе «мирно уживались

различные народы и религии». Оренбург и губерния «стали... вратами России в азиатские страны, а для последних — в Европу». Здесь был «эпицентр» пугачевского восстания. Оренбуржцы различных национальностей приняли «героическое участие... в Отечественной войне 1812 г., в освобождении Европы», в Оренбурге «прозвучало эхо движения декабристов» и отсюда же «вышли видные представители народничества». В дальнейшем общероссийский процесс «становления капитализма ускорил развитие Оренбуржья». Здесь, как и по всей России, «поднимались на борьбу рабочие и крестьяне».

Гражданская война и иностранная интервенция «принесли неисчислимые беды и страдания народу», но жители края нашли в себе достаточно сил, чтобы «в короткий исторический срок в период нэпа» воссоздать «и сельское хозяйство, и промышленность». Да, затем последовали «насильственная коллективизация по-сталински» и нанесенный ею «ущерб производительным силам и сельскому хозяйству». Тем не менее всё те же жители края, опираясь на накопленный ими ранее опыт, смогли повторить совершенный ранее подвиг: «кооперирование, соответствующее национальным традициям народа, привело к возрождению сельскохозяйственного производства и росту товарной продукции сельского хозяйства». Это стало залогом «поразительных успехов в развитии промышленности края за годы предвоенных пятилеток». Оренбуржцев не обошли и «сталинские репрессии».

Единство судьбы оренбуржцев проявилось и «во время Великой Отечественной войны», которую они «выдержали с честью», потому что ими руководила «преданность... своей великой Родине». В послевоенные годы «шло наращивание промышленного потенциала, осваивались целинные и залежные земли», «мощная река оренбургского газа потекла во многие районы страны». Это была эпоха, которая свидетельствовала, что «темпам развития Оренбургской области... может позавидовать любое цивилизованное государство». В свою очередь, «переход к рыночным отношениям открыл новые перспективы в развитии России и Оренбуржья».

Существовало тем не менее и третье обстоятельство, связанное с возможностью проведения местным «правлящим классом» собственной «национальной политики». Внутрироссийские процессы порождали тенденцию к размежеванию составляющих государство регионов. Оренбургская область не стала исключением — 30 января 1996 г. область и федеральный Центр подписали договор о взаимном разграничении полномочий. В юридическом отношении эта административная единица становилась «государственно-территориальным образованием», обладающим «всеми правами, установленными для субъектов Российской Федерации»²⁵.

В преамбуле Устава области подчеркивается не только «уважение к исторической памяти, традициям, национальной самобытности и достоинству народов, населяющих Оренбургскую область», но и содержит-

ся положение о признании «приоритета прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности» в качестве основы для создания «гармоничной общности людей, живущих на единой территории и объединенных общими условиями бытия, идеями благополучия и счастья». В свою очередь, эта территория не может быть подвергнута каким-либо изменениям «без согласия ее населения» и лишь на основе высказанного им в ходе «областного референдума» мнения. Деятельность в пределах области каких-либо «общественных объединений», стремящихся к «насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации», запрещается. Наконец, на территории области могут быть созданы «национально-территориальные образования» местного подчинения, но лишь для тех народов, которые не располагают собственными административными формированиями в «республиках СНГ и титульных республиках в России».

По сути дела речь идет не только о пресечении каких-либо территориальных претензий со стороны соседних тюркоязычных российских республик и Казахстана, но и о провозглашении нелегитимности их притязаний или притязаний действующих на их территории политических движений на представительство интересов соответствующих национальных меньшинств, проживающих в пределах области. В свою очередь, активисты татарского, башкирского и казахского национальных движений более не могут апеллировать к идее внутриобластной автономии или безоговорочно ориентироваться на поддержку политики руководства своих метрополий. Гарантом действий оренбургской администрации выступает теперь российское федеральное государство. Речь идет не только о теоретическом оправдании региональной «национальной политики», но и о ее правовом обосновании.

В этой связи одна из высказывавшихся В. Рагузиным идей приобрела очень существенные нюансы. Он писал о важности преодоления «стремления к атомизации» и «расщепления территории России на новые суверенные государства», имея в виду в первую очередь собственное представление о курсе лидеров тюркоязычных республик Поволжья и Урала. Однако описывавшаяся им «идеология единения российских народов в супернацию “россиян”» и выдвигавшаяся на этой основе задача «интегрирования интересов этносов и конфессий в рамках новой национальной идеи» отталкивалась прежде всего от ситуации вакуума, возникшего в итоге крушения «общности людей — советского народа», и выступала как синоним этой «общности». Это становилось тем более ясно, что, как он говорил, идеология и практика «советского народа» исчезли, «быть может, на время»²⁶.

Действия оренбургской элиты ставили вместе с тем и серьезную проблему. В самом общем виде ее содержание сводилось к тому, что областная администрация (по крайней мере если исходить из высказываний ее представителей) отказывалась принимать этнический миф в каких-

либо формах его конкретного проявления. Формально она не считала необходимым открыто подчеркивать, что выступает сторонником поддержки наследия той или иной населяющей область национальной группы. Напротив, оренбургская элита склонялась к идее гражданской нации, регионального «гражданского сообщества», для членов которого стоящая за их спинами национальная идентичность менее принципиальна, чем общие для всех них политические принципы, позволяющие строить супернациональное коллективное целое.

Комментарии оренбургских авторов в связи с результатами голосования жителей области на президентских выборах 1996 г., окрасившими «политическую карту Оренбуржья в “красный цвет”»²⁷, лишь подчеркивали этот аспект проблемы местной «национальной политики». В Оренбурге говорили: «Оренбуржье голосует и будет голосовать... за... государственное и консервативное начало, а также идеалы социальной справедливости». Это предопределено «особенностями территориально-этнической ментальности на евразийской территории», тем, что «социалистические тенденции... в России составляют национальную традицию». А эта традиция подводит черту «под историческим спором о том, каким быть Оренбуржью в третьем тысячелетии»: «жители области дали понять, что не принимают либерально-консервативные методы развития рыночной экономики и демократии». Иными словами, итоги выборов 1996 г. продемонстрировали, что, «симпатизируя социал-демократическим идеям, большинство оренбуржцев (речь шла, конечно, не только о русских. — Г. К.) выступают за утверждение и подъем государственного патриотизма, не оставляя в региональной политике места этническому национализму».

Однако в связи с конструированием «гражданского сообщества» области не могли не возникать существенные вопросы. То «сообщество», к созданию которого приступали в Оренбурге, не могло рассматриваться как в полной мере суверенное объединение составляющих ее человеческих личностей. Местная «национальная политика» была направлена на образование коллективного организма, само возникновение которого вытекало из специфически понимаемых самой оренбургской элитой сущности бросавшихся ей вызовов, среди которых важнейшим было, разумеется, не мнение русских националистов, а точка зрения их коллег из национальных центров тюрко-мусульманских меньшинств.

Идеологические основы оренбургской «национальной политики» находили практическое воплощение. Речь идет о разработанной аппаратом областной администрации «Целевой комплексной программе поддержки национальных культур народов Оренбуржья на 1994—1995 гг.», в дальнейшем последовательно продлевавшейся²⁸. Ее задача — создание условий для «развития культур» всех национальных групп, проживающих на территории области, на основе «сохранения традиций, самобытности, взаимообогащения национальных культур», чьи «лучшие достижения» следовало популяризировать с целью воспитания

жителей области в духе «уважения к языку, обычаям... различных народов».

В областной администрации был образован Комитет по межнациональным отношениям²⁹. Его задача определялась как сохранение уникальности края, где «в процессе многовекового совместного проживания различных этнических общностей... складывались традиции взаимопонимания и уважения, межнационального общения и веротерпимости». Как считали в комитете, «основные интересы населения области носят региональный, а не этнический характер», хотя и существуют «специфические интересы отдельных этнических групп, связанные со сферой сохранения и развития национального языка, охраны этнографических памятников... возрождения народных промыслов»³⁰. При комитете был сформирован межнациональный координационный совет с «совещательно-рекомендательными» функциями из представителей руководящих органов национальных обществ — как тюркоязычных, так и славянских и финно-угорских. Ему предлагалось ориентировать «деятельность национально-культурных центров, национальных общественных движений и ассоциаций»³¹.

Появился и Комитет по связям с религиозными организациями. Его сотрудники (среди которых не было ни одного выходца из мусульманской среды) должны были «находить и делать достоянием новых поколений весь положительный опыт межэтнических отношений, взаимопроникновения культур, раскрывать мудрость предков по преодолению межэтнических и межрелигиозных конфликтов»³².

Национальные движения инкорпорировались исполнительной властью, сводившей до минимума их влияние на развитие внутриобластного политического процесса. Лишь власть отныне могла представлять интересы местных национальных меньшинств в сфере культуры, общественно-политической жизни и взаимоотношений с метрополиями. Власть выступала и в качестве единственного (но далеко не щедрого) донора национальных движений в сфере финансирования изданий на национальных языках, подготовки преподавателей национальных языков для школ и проведения этнических праздников. Национальным обществам предлагалось строить свою деятельность лишь на основе той «национальной политики», которая осуществлялась администрацией. Созидаемое в области «гражданское сообщество» должно рассматриваться (пользуясь словами В. Амелина) как поле «совместимости культур» и «фактора стабильности и межкультурного сотрудничества», основой для которого уже является реальное «межэтническое взаимодействие народов»³³. Национальные общества отныне становились «конструктивными» участниками процесса созидания (как его понимала администрация) государственно-значимого «российского народа».

Региональная «национальная политика»: итоги и перспективы реализации

В какой мере «национальная политика» оренбургской администрации могла быть успешной? Вопрос не кажется праздным уже потому, что становление этой политики происходило в условиях постсоветского развития, выдвигавшего в центр местного дискурса идею Оренбурга как «форпоста» России на ее юго-восточных рубежах.

Иными словами, мысль о русском характере Оренбурга и области не могла не стать сутью местных представлений на новом этапе эволюции региона. Эта мысль уже присутствовала в высказываниях о политических аспектах географического положения области, содержавших легко прочитываемый вывод о неразрывной связанности русских с государством. В новых условиях существования области эту мысль продолжали уточнять, детализировать и развивать.

Позиция областной администрации в этом контексте была совершенно определенной. Выступая на открытии состоявшейся в Оренбурге в ноябре 1996 г. межрегиональной научно-практической конференции «Русская нация, русская идея: история и современность», В. Елагин отмечал, что поскольку «русские в... области сегодня представляют большую часть населения», постольку «люди русской национальности определяли, определяют и будут определять духовное состояние нашего общества»³⁴. Интересы России требуют, чтобы в русских была «заложена стабилизирующая сила, которая должна объединять вокруг себя все национальности, не ставя себя выше любой национальности, используя все уже известные традиции терпимости, заложенные еще православной религией». Отсюда должно было вытекать внимание к развитию русской культуры, поскольку в масштабе как области, так и страны была разрушена «историческая ткань, историческая традиция» русских в итоге двух пережитых русским народом потрясений. Одним из них был 1917 г., вторым — «события сегодняшних дней».

Позже эти положения развивались — русский народ «нельзя заставить жить вопреки его исторически сложившемуся характеру». А он «привык к коллективизму», чертами его характера являются «открытость, доверительность, общительность», и их «не изменить никакими политическими системами». Напротив, подчеркивал оренбургский губернатор, эти системы, если они хотят стать «путем России и выходом для России», должны создать «условия, в которых человек мог бы проявить себя». Стержнем этих систем должны стать «православная идея, духовная идея, а только затем потребление», потому что именно идеалы духовности «отличают людей, живущих на нашей земле»³⁵. При этом декларировался отказ от поддержки действующих в области русских националистов.

Разумеется, предлагавшаяся тогдашним главой области постановка вопроса о русских как ведущей национальной группе региона не могла рассматриваться как непродуктивная. Напротив, она логично вписы-

валась в контекст проводившейся под его руководством «национальной политики», направленной на конструирование местного «гражданского сообщества». Речь шла о реально существующем в области стержневом национальном сообществе, вокруг которого, следуя европейским вариантам развития, нужно было сплотить иные, менее значительные национальные группы. Тем не менее в этой связи возникло немало проблем. Одной из них была история появления русских и, более широко, славян на Южном Урале, которой местные тюрко-мусульманские национальные сообщества противопоставляли едва ли не важнейший элемент собственного национального мифа — свой статус коренных народов региона. Оренбургские исследователи должны были найти доказательства генетической связи русского/славянского большинства с населенной им сегодня территорией.

Мысль о русском характере региона шла в глубины истории. Степные пространства Южного Урала — «части огромного полотенца Евразии» — не были, как считали в Оренбурге, только «колыбелью казахского народа». В равной степени речь шла и о «родном ландшафте для населения юга Украины, земледельческих районов средней полосы России», выходцы из которых стали естественными обитателями «плодородных степей Заволжья, Северного Казахстана и южной Сибири»³⁶. Возможность движения «славянского» миграционного потока в направлении территории нынешней Оренбургской области вытекала из обстоятельств объективного характера. Появление славян в ее сегодняшних пределах было не более чем частью «простых передвижений в пределах своего и сходного этноландшафтного региона». Если «степная Евразия» представляла собой «единый географический регион», то она не могла не быть и «исторически единым этническим пространством». Разумеется, население этого региона, как и любой природно-географической зоны, «изменчиво», но «набор этих народов, — по мнению известного оренбургского географа А. Чибилева, — в историческое время... стабильный», лишь ареалы их расселения «расширяются и сужаются».

Русские, подчеркивал он, «аборигены» Оренбургского края — «этноландшафтного региона, расположенного между Волгой и Тургаем, между уральской тайгой и арало-каспийскими пустынями». Они «естественным путем приспособлены» к его «природным условиям» в той же мере, в какой к ним приспособлены казахи, башкиры, татары. Взаимодействуя друг с другом, коренные жители евразийской степи и лесостепи «вместе противостояли проникновению» туда чужаков. В этом, по словам А. Чибилева, и состояла «историческая роль», которую в прошлом «выполнял Оренбургский край», когда в союзе с Россией народы Казахстана и Средней Азии отражали «проникновение Китая (Джунгарии, по крайней мере. — Г. К.) с востока и Британской империи с юга, со стороны уже покоренной Индии».

Приведенные высказывания могли бы рассматриваться в качестве свидетельства симпатий их автора к определенному взгляду на исто-

рический этногенез. Тем не менее речь может идти и о другом — эти слова произносились в определенном политическом контексте, ставшем реальностью постсоветского времени. Поэтому продолжим цитирование.

«На протяжении трех тысячелетий, вплоть до образования Оренбургской губернии, в степях Евразии господствовала кочевая культура сменявших друг друга народов». Далее следует не менее любопытное с точки зрения того же политического контекста замечание: «кочевой быт в истории человечества — явление сравнительно новое». Кочевники всего лишь сменили населявших «наши степи и лесостепи охотников и собирателей растительной пищи», а также «примитивных земледельцев», специализировавшихся также на выплавке металлов и занимавшихся «активным товарообменом как с соседями, так и с дальними странами». Древние «города» этих земледельцев и металлургов, в последнее время раскопанные археологами, использовались в Оренбурге как одно из доказательств автохтонности русского/славянского населения или по крайней мере его индоиранских «арийских предков» — сарматов³⁷. Если русские/славяне уже в древности были носителями более высокой, чем у кочевников, цивилизации, то и сегодня на их долю выпало сыграть роль объединяющего начала для противостояния нашествию извне.

Идея нашествия постоянно придавала концепции оренбургского «гражданского сообщества» необходимый оттенок легитимности. Порой эта идея выражалась красочно и сочно, воскрешая вполне конкретные элементы русской исторической памяти. Рассказывая о поездке в соседний с областью регион Казахстана, корреспондент учрежденной администрацией газеты «Оренбуржье» называл эту страну частью известного его читателям из истории «Дикого поля», откуда «когда-то давным-давно... половцы и печенеги постоянно устраивали набеги на Русь». Далее он сообщал, что это «Дикое поле вновь возрождается у нас под боком». Там «еще вчера» были «поля, радовавшие щедрой нивой... и паслись тысячные стада крупного рогатого скота», сегодня же они заражены «осотом и овсюгом». Ныне «наши соседи сами готовы, — писал автор публикации, — переродиться в “дикое половецкое племя” и устраивать набеги». И вывод: «Надо срочно что-то предпринимать. Иначе беды не избежать»³⁸. Впрочем, в цитируемом пассаже легко прочитывался и иной вывод: только присутствие русских способно обеспечить и области, и прилегающим к ней территориям не только мир, но и благополучие.

Миф оренбургского «гражданского сообщества» содержит в себе откровенный колониальный синдром, присутствие которого лишь подчеркивается при дальнейшем развитии темы русской автохтонности. По словам оренбургского историка-краеведа Ю. Зобова, «губернию, а позднее область, пролегающую полосой с запада на восток, между Башкирией на севере и Казахстаном на юге, стали называть “русским коридором”». Он добавляет, что положение области в качестве «русского коридора» на Южном Урале «нашло отражение и в сознании народ-

ном» — «в народной песне, исполняемой ныне Оренбургским государственным русским народным хором, есть такие слова: “Край родной, Оренбургский, Русская земля!”»³⁹.

В Оренбурге подчеркивали, что «славянская колонизация Южного Урала имела глубокие исторические последствия», что «трудом русских и украинских крестьян осваивались плодородные земли Оренбургской “Новороссии”, поднималась вековая целина, сам край постепенно превращался в одну из хлебных житниц страны»⁴⁰. Разумеется, была «велика заслуга славянского населения и в развитии промышленного потенциала края, освоении богатств его недр». Мерилом определения этого величия являлось то, что славяне области составляли «подавляющее большинство рабочей силы на металлургических и обрабатывающих предприятиях». Последний штрих в картине, нарисованной оренбургским ученым, также соответствует смыслу общей постановки вопроса о русском и в целом славянском присутствии на территории области: «Преимущественно русским... было население всех возникших... городов края... Именно в них развивалось просвещение, литература, общественно-политическая мысль, формировалась... интеллигенция, выступавшая за единение всех народов».

Предлагаемая Ю. Зобовым трактовка роли русских, хотя и относящаяся к исторически более позднему времени становления национальных сообществ, содержит те же основополагающие идеи. Русское земледелие, русская промышленность (прежде всего металлургическая) и, как их следствие, русское просвещение и русский носитель ценностей цивилизации — интеллигенция, стремящаяся к наднациональному единению. Ради осуществления этих идей создавался Оренбург — это вытекает из интерпретации истории области, которая сегодня бесспорна для местной научной общественности. Более того, когда-то нынешняя территория области была «воротами для кочевых народов при их движении из Азии в Европу». Список этих народов действительно символичен — «гунны, сарматы, скифы, татаро-монголы, кочевники-скотоводы ногайской орды, калмыки»⁴¹. В цитируемых словах подспудно присутствует мысль: они сеяли смерть и разрушение.

Вопрос тем не менее состоял не только в том, что провозглашавшийся надэтническим дискурс «гражданского сообщества» оренбуржцев приобретал немало черт сходства с дискурсом русских националистов. Важнее другое: в какой мере этот надэтнический дискурс и основанная на нем практика действий воспринимались носителями этнического начала?

Основываясь на итогах проводившихся в области опросов, В. Рагузин пришел к выводу, что «народы мусульманской культуры в три раза менее миролюбивы», чем их «традиционно православные» русские соседи. Эти народы не только более «воинственны», но и более «скрытны» и менее «терпеливы». В свою очередь, все те же русские «по религиозности... значительно уступают этносам, исповедующим ислам». Само по себе обращение к «глубинным» качественным свойствам наций было

здесь доказательством способности оренбургской концепции «гражданского сообщества» при благоприятных обстоятельствах плавно эволюционировать в доктрину русского национализма, как и признания ее апологетом все еще остающейся не преодоленной мощи национальных мифов тюрко-мусульманских меньшинств. Но сделанный В. Рагузиным вывод позволял ему говорить о существовании в области «все более увеличивающегося поля возможного этнонационального и этноконфессионального конфликта»⁴². Прогноз о том, что «не ожидается повышение толерантности у оренбуржцев», делал и В. Амелин в связи с перспективами роста поддержки идеологии русского национализма в среде молодежи и студентов⁴³. Конечно, действия оренбургской областной администрации позволяли сохранять стабильность в межнациональных отношениях, поэтому бывший министр по национальной политике Р. Абдулатипов сказал во время поездки в Оренбург в феврале 1999 г., что на фоне других российских административных образований «Оренбургская область выглядит почти идеально»⁴⁴. Однако все это ни в коей мере не снимало существовавших проблем.

В демографической структуре области, как отмечали оренбургские исследователи, наблюдается тенденция «постепенного увеличения башкирского, татарского и казахского населения», как и снижения доли украинцев, мордвы и немцев. При этом удельный вес все еще доминирующих русских снижается. В. Амелин и В. Торукало показали, что если доля русского населения области в 1970 г. составляла 71,8%, в 1979 г. — 72,4% и в 1989 г. — 72,3%, то в этот же период доля татар возрастала (соответственно 7%, 7,2% и 7,3%), что в равной мере относится к казахам (4,5%, 4,7% и 5,1%) и башкирам (1,8%, 2,1% и 2,4%)⁴⁵.

Дискурс «гражданского сообщества» был в конечном счете направлен на сужение сферы воздействия символов национальной культуры на жизнедеятельность многонационального человеческого объединения. Иначе зачем в основу деятельности Комитета по межнациональным отношениям областной администрацией была положена идея «региональности», а не «этничности» интересов населения области? Впрочем, это отнюдь не мешало включению в этот дискурс существенных элементов русского национального мифа, связанных прежде всего с условиями функционирования российской государственности. Однако одновременно все тот же дискурс, определив регион как «многонациональный и поликонфессиональный», поставив в один ряд православие и ислам, сделал попытку не допустить формирования этнической солидарности внутри местных национальных сообществ (включая и русских). Для русских национальных активистов (сегодня не столь активно поддерживаемых в обществе⁴⁶) это оказалось неприемлемым.

Также это оказалось неприемлемым и для тюрко-мусульманских национальных сообществ. Анализируя взаимоотношения между русскими и татарами, двумя крупнейшими национальными сообществами области, В. Амелин рассматривал и отношение представителей этих со-

обществ к важнейшим элементам национального мифа, используя результаты некоторых опросов последнего времени⁴⁷. Отвечая на вопрос «Что необходимо Вашему народу?», только 2,1% русских говорили о возрождении и развитии национальной культуры, а доля татар, выбравших этот вариант ответа, составила 18,4%. Тем более показательна в этой связи позиция татарской студенческой молодежи. Отвечая на вопрос о достаточности мер по развитию национальной культуры, 46% участников опроса заявили, что их не устраивает количество и тираж выходящих в области татарских периодических изданий, 44% выразили неудовлетворенность организацией национальных творческих коллективов, студий и театров, 53% — объемом радио- и телепередач на татарском языке, а также фестивалей национальных культур. Разумеется, «меры по развитию национальной культуры» осуществляются и финансируются областной администрацией.

Активисты татарских объединений опирались на мнение своего национального сообщества. Как отметил один из них, в 1994 г. «героическими усилиями активистов татарского общественного центра» в Оренбурге с трудом была открыта школа для татарских детей. Описание ситуации, в которой осуществлялось это начинание, достаточно красноречиво: «Конституция рисует сказочную картину — свободный выбор языка обучения. Заходя в любой класс, любой родитель выбирает, что хочет. Закон об образовании перечеркивает Конституцию, выбор языка обучения находится в зависимости от возможностей, предоставляемых системой образования. Это понятно, без этого нельзя, с одной стороны. С другой — этот закон не обязывает местные органы что-либо делать. Раз записано, что в зависимости от возможностей... говорят, что нет возможности». Дальнейший рассказ содержит не менее яркие детали. Единственным языком преподавания в школе, за исключением уроков татарского языка, является русский. «Создавать и развивать национальную культурную среду» педагоги могут лишь во внеурочное время: на занятиях кружков «татарского фольклора... истории ислама», факультативов, посвященных истории Татарстана и арабскому языку, оренбургским татарским писателям, и в ходе организуемых с помощью родителей утренников, а после окончания учебного года — сабантуя⁴⁸. Таким образом, возрожденческая деятельность педагогического коллектива этой школы слишком зависима от множества привходящих обстоятельств.

Эти обстоятельства определяли тенденцию к снижению численности школ с преподаванием национальных языков. По словам председателя межнационального координационного совета, сопредседателя Оренбургского областного Татарского общественного центра, в 1996/97 учебном году таких школ было 155, а в 1997/98 — только 143 (число собственно татарских школ сократилось с 87 до 77)⁴⁹. В области не возникло атмосферы заинтересованности меньшинств в изучении родных языков. Активисты национальных обществ обвиняли государственных чи-

новников в том, что часть из них «придерживается устойчивого мнения о том, что обучение детей на родном языке закрывает им путь для дальнейшей учебы в... высших учебных заведениях. Причем это утверждение... тиражируется и доводится до сведения родителей, которых данный вывод... настораживает. При этом умышленно... замалчивается то, что... речь-то идет не об обучении полностью на родном языке, а о его изучении лишь как школьного предмета»⁵⁰. Вследствие этого возникла проблема «не востребованности значительной части выпускников учебных заведений, готовящих национальные педагогические кадры»⁵¹.

Тиражи издающихся в области национальных газет остаются крайне низкими, их выпуск сталкивается с трудностями⁵². Труппа государственного татарского драматического театра все еще переживает процесс становления. Выделенное ей здание продолжает ремонтироваться⁵³. Сфера представительства татар, как и других тюрко-мусульманских сообществ, в структурах исполнительной власти остается ограниченной. Среди чиновников высшего ранга в администрации области нет ни одного выходца из их среды. Лишь один татарин и один казах занимают посты глав администраций городов и районов, 64 (10,3% общего числа) татарина, 28 (4,5%) казахов и 12 (1,9%) башкир являются главами администраций сельских и поселковых советов (речь идет о районах компактного проживания этих меньшинств)⁵⁴. Наконец, только в ходе состоявшихся в 1998 г. выборов депутатов областного Законодательного собрания второго созыва в структуре местной законодательной власти появилось трое татар и двое казахов (раньше среди его депутатов был только один казах), но по-прежнему не было ни одного башкира. Среди татар — членов нынешнего состава Законодательного собрания — генеральный директор одной из крупнейших региональных компаний «Оренбургнефтепродукт», среди казахских депутатов — председатель колхоза и исполнительный директор сельскохозяйственного акционерного объединения из двух районов области со значительной долей казахского населения⁵⁵.

Русское и тюркоязычные сообщества последовательно сближаются по уровню образования. Если доля русских среди студентов высших учебных заведений области составляет 81,2%, то доля татар, казахов и башкир — соответственно 7,7%, 4,3% и 1,7%⁵⁶. При этом доля татарских студентов превышает долю татар в местном населении (7,3%). По данным В. Амелина, если на тысячу человек с общим средним образованием в возрасте 18 лет у татар приходится 646 человек, то у русских — 630, в возрасте 19 лет — соответственно 640 и 625, в возрасте 20—24 лет — 522 и 492. Он отмечает некоторое снижение этой доли у татар, когда речь идет о высшем образовании: из тысячи человек в возрасте 30—34 лет — 115 человек у татар и 136 у русских, в возрасте 40—44 лет — соответственно 126 и 157⁵⁷. Тем не менее в татарском сообществе все сильнее проявляется тенденция к увеличению числа имеющих высшее образование.

Не менее принципиальна и роль выходцев из среды всех трех тюрко-мусульманских сообществ в формировании предпринимательской стра-ты области. Если среди директоров местных акционерных обществ русские составляют 71,4%, то доля татар, казахов и башкир приближается соответственно к 9,7%, 3,4% и 1,5%⁵⁸. В случае татар эта доля также выше, чем общая доля этого этноса в населении области.

Такая ситуация лишь подталкивала активистов тюрко-мусульманских сообществ к дальнейшим действиям. В декабре 1999 г. в области была создана Оренбургская региональная татарская национально-культурная автономия⁵⁹. Ранее, в марте 1998 г., при поддержке местного предпринимателя казахского происхождения Р. Сулейменова была сформирована и Областная казахская национально-культурная автономия⁶⁰, в состав которой, однако, не вошли некоторые ранее возникшие объединения.

Оба новых образования заявили, что важнейшими направлениями их деятельности являются сохранение и развитие национальных языков и культуры («отстаивание своих прав на национальную идентификацию», как подчеркивалось в программном заявлении татарской автономии). Татарский и казахский языки должны были, по их мнению, стать реально функционирующими в пределах территорий компактного расселения представителей обеих национальных сообществ. История области более не может обходиться без непредвзятого рассказа о вкладе обоих народов в ее развитие. Казахская автономия вела речь и о «представительстве и защите... законных интересов» членов автономии «в органах государственной власти и управления»⁶¹. Оба объединения подчеркивают и свой по сути дела надрегиональный статус. В заявлении татарской автономии сказано, что ее члены будут «поддерживать национально-культурные связи с... исторической родиной — Республикой Татарстан, всесторонне содействовать развитию торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества Оренбургской области и Татарстана». Возможная неадекватность реакции на аналогичные требования казахской автономии со стороны некоторых общественно-политических объединений области (в частности, казачества) не позволяла казахским активистам столь же открыто ставить вопрос о контактах с Казахстаном. Тем не менее и в уставе казахской автономии говорится, что она «может осуществлять прямые международные связи для достижения уставных целей и задач с иностранными... объединениями», а также «вступать в международные общественные объединения»⁶².

Концепция «гражданского сообщества» не смогла ограничить сферу воздействия национального мифа на тюрко-мусульманские сообщества. Лишним доказательством этого стали состоявшиеся в декабре 1999 г. выборы главы области в тех районах, где сосредоточено татарское население. Опубликованные данные не дают точной картины предпочтений представителей различных национальных групп. Тем не менее ясно, что значительная часть проживающих в этих районах избирателей даже в первом

туре проголосовала не за В. Елагина, а за одного из лидеров Аграрной партии России А. Чернышева (который и победил на выборах)⁶³.

Можно констатировать, что реализация концепции «гражданского сообщества» не смогла остановить развитие в области процесса этнической солидарности, в том числе и последовательного превращения национальных объединений тюрко-мусульманских сообществ в центры давления и лоббирования. На этом фоне предлагаемая властью концепция, предполагающая недопущение эрозии позиций местной элиты (прежде всего русской), независимо от пожеланий ее идеологов объективно сближается с идеологией русских националистов. Уже сегодня, по замечанию В. Амелина, «ксенофобия более свойственна русской молодежи», чем татарской. Различны и политические симпатии русского и татарского населения области (более высокий процент голосования русских за КПРФ и ЛДПР в ходе местных и общегосударственных выборов и татар за НДР и «Яблоко»). Неодинаковы и подходы представителей обоих сообществ к вопросу о графе «Национальность» в российском паспорте. И, конечно, для татарского населения характерно «полное неприятие» идеи и практики «возрождения казачества»⁶⁴.

Пока это лишь трещины во взаимоотношениях. Но, к сожалению, они могут иметь тенденцию к углублению, которая станет все более очевидной по мере расширения влияния русских националистов.

* * *

По сути дела, единственной причиной обращения оренбургской элиты к идее и практике конструирования на территории области «гражданского сообщества» стала защита ею позиций, которые сформировались в условиях постсоветской эволюции страны и региона. Но, следуя, казалось бы, европейским вариантам создания «гражданской нации», их наполнили привычным советским содержанием.

Итог развития событий был вполне предсказуем. Оренбургский «правящий класс» сделался не гарантом стабильности ситуации, а всего лишь силой, основная задача которой все больше сводится к поддержанию равновесия между переживающими становление элитами двух конкурирующих национальных сообществ. При этом, формально дистанцируясь от притязаний как тюрко-мусульманских, так и русских групп давления, власть, провозглашая своей идеологией заботу о сохранении российской государственности, обнаруживала большую степень понимания дискурса русских националистов. Таким образом, возможность создания действительно гражданской нации в России и ее регионального элемента — «гражданского сообщества» зависит в первую очередь от природы государства, частью которого являются институты власти в том или ином его регионе.

Прежний глава области однажды сказал, что «Оренбуржье — уникальный край»⁶⁵, возникший «на стыке... культур славянских и тюрк-

ских народов», что «здесь соседствуют русские, татарские, казахские, украинские... села», что «население городов... многонационально». Но для него уникальность области заключалась не только в этом. Скорее всего речь шла о другом, — «на протяжении всего существования края власти Оренбуржья... откликались на нужды больших и малых народов». Эти власти были русскими и на уровне собственной политики лишь отражали некие глубинные национально-мифические свойства «русского населения, преобладающего по своей численности», которое «испокон веков по-братски относилось к национальным меньшинствам, уважало их веру, обычаи, привычки, создавало условия для культурного развития». Так было не только в прошлом, «эта политика продолжается и сегодня».

Итак, времена Российской империи и Советского Союза не ушли в прошлое. Нынешняя региональная политическая элита ассоциирует себя с их структурами управления, правопреемницей которых она себя сегодня считает. Но она наследует и идеологические клише, меняя лишь их словесное оформление.

Примечания

¹ *Елагин В. В.* Сотрудничество как национальная идея // Оренбуржье. — 1999. — 29 мая.

² Оренбургская область: Путеводитель бизнесмена. — М., 1993. — С. 7—8. Цитируемое издание подготовлено группой оренбургских авторов.

³ *Рагузин В. Н.* На острие российской геополитики. — М., 1999. — С. 81.

⁴ Здесь и далее см.: Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1995. — № 1. — С. 32.

⁵ См. в этой связи: *Бурматов В. Д.* Православная церковь в Оренбуржье: современное состояние, некоторые проблемы и тенденции развития // Христианство и ислам на рубеже веков: Материалы Всероссийской науч.-практической конф. — Оренбург, 1998. — С. 182—186.

⁶ Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1995. — № 1. — С. 32.

⁷ См. об этом: *Косач Г. Г.* Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманские меньшинства Оренбургской области // Вестн. Евразии. — 1999. — № 1—2. — С. 169—193.

⁸ *Торужало В. П.* Национально-культурная политика в регионе: опыт, проблемы, тенденции. — Оренбург, 1995. — С. 18—19.

⁹ Там же. — С. 21—22. В дальнейшем расширение количества национальных объединений становилось устойчивой тенденцией. В начале 1999 г. их было уже 46. См. их список: *Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье. — Оренбург, 1999. — С. 31—35.

¹⁰ Для оренбургской областной администрации эта проблема действительно не является абстракцией. Ее сотрудники подчеркивают в этой связи, что «русским Оренбуржья вряд ли понравится идея создания башкиро-татарской конфедерации, обсуждаемая в центральных СМИ, а также в Уфе и Казани», и высказывают резко негативные оценки заявлений М. Рахимова о желательности проведения башкиро-казахстанской границы за счет части территории Оренбургской области. См.: *Амелин В. В.* Межкуль-

турные взаимодействия в условиях полиэтнической области (пример русских и татар в Оренбуржье) // Этнопанорама [Оренбург]. — 1999. — № 1. — С. 34.

¹¹ В июле 1989 г. состоялись учредительные конференции башкирского областного центра «Караван-Сарай» и татарского центра «Туган тел» («Родная речь»), сферой деятельности которого становился Оренбург. Месяцем раньше было создано казахское областное культурно-просветительское общество «Казах тиле» («Казахская речь»). Наконец, в июне 1991 г. прошла учредительная конференция оренбургского областного Татарского общественного центра.

¹² *Краснов П. Н.* Русская нация: настоящее и будущее российской государственности // Русская нация и русская идея: история и современность: Материалы межрегиональной науч.-практической конф. — Оренбург, 1996. — Ч. 1. — С. 191—194.

¹³ Наивысшие цифры количества русскоязычных переселенцев, зарегистрированных в Оренбургской области, составляли в 1994 г. 5317 человек, в 1995 г. — 5014, в 1996 г. — 4291 и, наконец, в первой половине 1997 г. — 2379. В общем миграционном потоке на территорию области их доля равнялась 42% в 1996 г. и 51% в первой половине 1997 г. (*Чаплыгин А. С.* Миграционная ситуация в Республике Казахстан // Оренбуржье и Республика Казахстан: приграничные аспекты сотрудничества. — Оренбург, 1997. — С. 68).

¹⁴ *Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация... — Оренбург, 1999. — С. 25—28.

¹⁵ Выражение В. Рагузина, одного из заместителей нынешнего главы администрации области (*Рагузин В. П.* Указ. соч. — С. 89).

¹⁶ Название коллективной монографии оренбургских ученых — «Многонациональный мир Оренбуржья» (Оренбург, 1995).

¹⁷ *Торукало В. П.* Указ. соч. — С. 11—12.

¹⁸ Там же. — С. 11.

¹⁹ *Рагузин В. Н.* На острие российской геополитики. — М., 1999. — С. 89.

²⁰ Там же. — С. 72.

²¹ Там же. — С. 70.

²² *Торукало В. П.* Указ. соч. — С. 7—8.

²³ Здесь и далее: *Амелин В.* Программа поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья // Этнополит. вестн. — 1995. — № 1. — С. 159.

²⁴ Здесь и далее: История Оренбуржья: Учебное пособие. — Оренбург, 1996. — С. 3—4.

²⁵ Здесь и далее: Устав Оренбургской области // Южный Урал [Оренбург]. — 1999. — 2 июля.

²⁶ *Рагузин В. П.* Указ. соч. — С. 70.

²⁷ Здесь и далее: *Кутузов В. И., Кутузова Л. П., Прусс А. П.* Электоральный потенциал русского национализма в Оренбуржье // Русская нация, русская идея: история и современность. — Оренбург, 1996. — Ч. 2. — С. 84—85.

²⁸ Текст программы см.: *Амелин В. В., Торукало В. П.* Оренбуржье в этнополитическом измерении. — М., 1996. — Т. 1. — С. 129—166. Анализ этого документа см.: *Косач Г. Г.* Указ. соч.

²⁹ Связанные с его формированием документы см.: *Амелин В. В., Торукало В. П.* Указ. соч. — С. 117—120

³⁰ Наш многонациональный край // Айкап [Оренбург]. — 1994. — № 23.

³¹ *Торукало В. П.* Указ. соч. — С. 57—58.

³² *Бурматов В.* Платформа согласия // Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1996. — № 2. — С. 2.

РЕГИОНАЛЬНОЕ «ГРАЖДАНСКОЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО»

³³ *Амелин В. В.* Межкультурные взаимодействия... — С. 28, 34.

³⁴ Здесь и далее: *Елагин В. В.* Национальная политика на региональном уровне // Русская нация, русская идея: история и современность. — Ч. 1. — С. 6—8.

³⁵ Выступление В. Елагина на состоявшихся в мае 1997 г. в Оренбурге вторых Дней русской духовности и культуры. Цит. по: *Рублев А.* Постигание русской души // Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1997. — № 6. — С. 21.

³⁶ Здесь и далее: *Чибилев А. А.* Геополитическая и этнографическая история Оренбургского края // Диалектика истории Оренбуржья. — Оренбург, 1994. — С. 19—22.

³⁷ См., например: Здесь жили истинные арийцы // Оренбуржье. — 1999. — 9 сент., а также: *Гайфуллин К.* Таинственный город под землей // Южный Урал. — 1999. — 7 авг.

³⁸ *Чигвинцев В.* Дикое поле, ситуация в Чингирлауском районе // Оренбуржье. — 1999. — 19 авг.

³⁹ *Зобов Ю. С.* Русские на Южном Урале, их роль в заселении и развитии края // Многонациональный мир Оренбуржья. — Оренбург, 1994. — С. 37.

⁴⁰ Здесь и далее: *Зобов Ю. С.* Начальный этап формирования славянского населения Оренбургского края (30—90-е гг. XVIII в.) // История и культура славян Южного Урала: Сборник материалов областной науч. конф., посвященной Дням славянской культуры в Оренбуржье 3 марта 1995 года. — Оренбург, 1995. — С. 7.

⁴¹ Здесь и далее: *Торукало В. П.* Указ. соч. — С. 15—16.

⁴² *Рагузин В. Н.* Указ. соч. — С. 76.

⁴³ *Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация... — С. 28.

⁴⁴ *Амелин В. В.* Встреча министра национальной политики России с руководителями национально-культурных автономий, центров, обществ Оренбуржья // Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1999. — № 1. — С. 51.

⁴⁵ *Амелин В. В., Торукало В. П.* Указ. соч. — С. 22—23.

⁴⁶ Согласно данным социологических исследований, приводимым В. Рагузиным, 64,8% опрошенных рассматривают русский национализм как «разрушение страны, ее интернациональной, исторической основы», 20,4% считают, что это «духовное возрождение русской нации», и, наконец, 14,8% — что это «выход страны из состояния кризиса» (*Рагузин В. Н.* Указ. соч. — С. 47).

⁴⁷ Здесь и далее см.: *Амелин В. В.* Межкультурные взаимодействия... — С. 28—34.

⁴⁸ *Абдульвалеева Л.* Бесценное сокровище народа // Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1997. — № 6. — С. 38—39.

⁴⁹ *Узбеков И.* Стереотип не друг согласию // Оренбуржье. — 1998. — 17 июня. Речь здесь идет также и о школах с преподаванием немецкого и мордовского языков.

⁵⁰ *Узбеков И.* «Сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек» // Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. вестн. — 1997. — № 6. — С. 33.

⁵¹ *Узбеков И.* Стереотип не друг согласию.

⁵² Тираж татарской «Яна вакыт» составляет не более 4500 экземпляров, казахской «Айкап» — 1000. Башкирская газета «Караван-Сарай» все еще не стала регулярно выходящим изданием. По состоянию на 1999 г., областная администрация предоставила «Яна вакыт» чуть более 44 тыс. руб. из запланированных 54 тыс., «Айкапу» — 31 тыс. из планировавшихся 35 и, наконец, «Караван-Сараю» — только 7 тыс. руб. из 15 тыс. (*Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье. — С. 11).

⁵³ Яна вакыт [Оренбург]. — 1996. — № 24.

⁵⁴ Национальный состав руководящих кадров, студентов и профессорско-преподавательского состава вузов Оренбургской области на 1 ноября 1998 г. см.: *Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация... — С. 16.

⁵⁵ См. список депутатов Законодательного собрания Оренбургской области второго созыва: *Рагузин В. Н., Прусс А. П.* Формирование гражданского общества в Оренбуржье. — Оренбург, 1998. — С. 234—238.

⁵⁶ *Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация... — С. 16.

⁵⁷ *Амелин В. В.* Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтничной области. — С. 30.

⁵⁸ *Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация... — С. 16.

⁵⁹ См. об этом: Программное заявление Оренбургской региональной татарской национально-культурной автономии // Яна вакыт. — 1999. — № 2.

⁶⁰ См. об этом: Проект Устава Областной казахской национально-культурной автономии // Айкап [Оренбург]. — 1998. — № 3.

⁶¹ Как отмечал В. Амелин, «характерно то, что после избрания представителей татар в областное Законодательное собрание прекратились требования татарского общественного центра о формировании двухпалатного областного парламента» (*Амелин В. В.* Этнополитическая ситуация... — С. 15). Лидеры этого центра считали, что верхняя палата этого парламента должна была формироваться на основе делегирования в нее всеми оренбургскими национальными центрами и объединениями своих представителей. См., в частности: *Губайдуллин С. Г.* Татары Оренбуржья: история и современность // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история, современность: Материалы науч.-практической конф. — Оренбург, 1993. — С. 27—28.

⁶² Яна вакыт. — 1999. — № 2; Айкап. — 1998. — № 3.

⁶³ См., в этой связи: Яна вакыт. — 1999. — № 42.

⁶⁴ *Амелин В. В.* Межкультурные взаимодействия... — С. 33—34.

⁶⁵ Здесь и далее: *Елагин В. В.* [Предисловие] // Многонациональный мир Оренбуржья. — С. 3.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА

Леокадия ДРОБИЖЕВА

По мощности воздействия в современном мире национализм сравнивают с либерализмом. «Нет в мире силы мощнее», — так начинается М. Линд широко известную среди специалистов статью «В защиту либерального национализма»¹. Вокруг проблем, порождаемых национализмом, причин его проявления и характера проявлений идут научные и политические споры. Известно, что все аналогии относительно. Тем не менее когда рассуждают о национализме, мне всегда вспоминаются лекции профессора Косвена на историческом факультете МГУ, который начинал говорить о семье словами: «Брак. Что такое брак? Хорошую вещь браком не назовешь, но все же большинство людей в брак вступают». Я буду следовать уже принятой методологии: не рассуждать, плох или хорош национализм, а анализировать, какой политики и практики придерживаются его сторонники, и выявлять, насколько они радикальны, либеральны или реакционны.

В отечественной литературе термин «национализм» обычно понимался в негативном смысле как превосходство народа над другими и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Наиболее полноценное определение национализма в этой парадигме дал польский социолог Я. Щепаньский. Он писал: «Национализм — это признание собственной нации наивысшей ценностью», иррациональное объяснение превосходства своей нации над другими, непризнание равенства народов, нетерпимость по отношению к другим нациям, нежелание смешиваться с ними (эксклюзивизм), недопустимость смешанных браков. Это идеология, политика и практика².

С началом перестройки, расширением контактов с Западом, наконец, под влиянием начавшихся национальных движений в Прибалтике, Грузии, на Украине, которые воспринимались тогда как могильщики прокоммунистических сил в центре, национализм стал и у нас в стране рассматриваться не в оценочном значении, а как категория научного анализа³. Под ним подразумевают политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию власти и оправдывающее эти действия с точки зрения доктрин национализма. Доктрины сводятся к тому, что существуют такие общности, как нации с присущими им качествами; интересы и ценности нации считаются приоритетными перед другими

интересами и ценностями; нация должна быть как можно более независимой, для чего ей нужен в той или иной мере политический суверенитет. Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политические и национальные единицы должны совпадать⁴. Однако в большинстве государств победившего национализма на постсоветском пространстве не сумели избежать дискриминации «новых меньшинств» — русских и других этнических групп, которые говорят преимущественно на русском языке. В силу этого, а также традиций, закрепившихся в повседневном общении, в России термин «национализм» часто используется в старом значении.

Два обстоятельства теперь побуждают обратиться к заявленной теме. Первое связано с нарастающим разрывом между популистскими, журналистскими, идеологизированными политическими взглядами и научными разработками проблем национализма, который вредит взаимопониманию народов. Второе — стремление еще раз обратить внимание на разновариантность национализма. Явление это подобно айсбергу: лишь верхушка его находится на поверхности, а большая часть — в скрытом состоянии. В зависимости от социально-политического контекста «подводная» часть всплывает, обнажая свои округлые или острые края. Следовательно, задача общества — выработать к нему такое отношение, которое не позволит ему превратиться в состояние, способное разбить неустойчивый корабль нашего общества периода перехода к демократии.

Отношение к национализму в мире менялось циклически. После 1917 г. образование новых государств на обломках великих многонациональных империй конца XIX в. проходило под знаком национального самоопределения. Но эта позитивная валентность национализма, как отметил Р. Суни, выступая на школе, организованной фондом «Евразия» весной 1999 г., быстро исчерпала себя в течение первого же послевоенного десятилетия, еще до прихода фашизма с его экспансионистскими установками и всего, что из него следовало, — шовинизма, расизма, антисемитизма.

Новая эйфория национального самоопределения возникла после Второй мировой войны в связи с освобождением народов Европы от нацистской оккупации и последовавшим затем распадом «заморских колониальных империй». Но и на этом этапе либеральная традиция поддержки национального самоопределения была откорректирована в связи с проявлениями расизма и воинствующего этницизма в ходе реализации идей национализма. Недоверие к националистическим убеждениям в развитых демократиях укрепило союз национализма с левым антиколониализмом.

С опасениями и все же в ряде случаев с несомненной поддержкой западный мир отнесся к образованию государств на месте распавшегося Советского Союза. Но именно этнические конфликты на постсоветском пространстве и территории бывшей Югославии подтвердили амбивалентный и небезопасный характер национализма.

Если и теперь национализм «третьей волны» в конце XX — начале XXI в. в своих агрессивных проявлениях представляется очевидной угрозой, то важно проанализировать его разнообразные проявления, чтобы выделить именно те его виды и формы, которые могут быть совместимы с переходом к демократическому обществу.

Проблема совместимости демократических транзитов и национализма не нова и сложна. Известно, что признанные авторитеты в области демократических транзитов считали внутрисоциальное единство, устойчивую идентичность граждан важнейшими условиями успешности процесса демократизации, а этнонациональные разногласия, ведущие к различным формам национализма и подъему национальных движений, оценивают как препятствие для достижения демократии в обществе⁵. Признавая, что и в развитых демократических государствах сохраняются этнонациональные проблемы и националистические устремления (примеры — Баскония в Испании, Корсика во Франции, Квебек в Канаде, Северная Ирландия и Шотландия в Великобритании), специалисты обращают внимание на готовность в этих странах решать проблемы ненасильственным путем через демократические институты. Однако и в таких обстоятельствах «этнонационализм, особенно в его острых формах, порождаемый нерешенностью проблем национального и территориального единства и идентичности, несовместим с демократией»⁶. Такой вывод логичен с точки зрения демократизации. Но он остается дискуссионным с точки зрения национализма. Ведь именно с демократизацией обычно связывается возможность свободного волеизъявления народов.

Принципиальное значение имеют по крайней мере три теоретико-методологических принципа, продемонстрировавшие свою эффективность. Первый — рассмотрение зарождения и развития национализма в исторической перспективе, понимание отличия национализмов XVIII в. от современных и осознание возможности трансформаций каждого конкретного национализма. Известный историк Г. Кон успешно продемонстрировал такой подход, исследовав европейский континент. Ему принадлежит вывод о том, что история национализма — это постоянное вырождение рационального начала в некое безумие, наиболее ярко выразившееся в национал-социализме с его войнами, насилиями, мессианским авторитаризмом⁷. Г. Кон на европейском материале показал важность второго необходимого для анализа национализма методологического принципа — сравнительного, кросскультурного. Известно, что уже более двухсот лет существуют разные представления о нации: «французское», исходящее из идеи свободного сообщества граждан государства, основанного на политическом выборе, и «немецкое», базирующееся на культуре и общем происхождении. Г. Кон на сравнительном материале предпочел говорить о двух типах национализма: «западном» и «восточном». Первый он видел в Великобритании, Франции, США, Нидерландах, Швейцарии, второй — в Германии, странах Вос-

точной Европы, России. «Западный» национализм обычно характеризуется как либеральный, основанный на рациональном свободном выборе и лояльности, преданности граждан государству, «восточный» — как органический, иррациональный, основанный на преданности народу, имеющий культурную основу⁸.

Для нашей темы важно, что при сравнительном подходе западные исследователи как *либеральный* национализм характеризовали лишь первый, который впоследствии чаще называли *гражданским*, противопоставляя его этнонационализму. Американский социолог Л. Гринфельд, развивая эти идеи, ввела нормативную оценку типов национализма. Первый тип, выделенный ею, — *индивидуалистический*, он предполагает моральное и политическое первенство индивида. Принципы, положенные в его основу, — это по сути принципы либеральной демократии. Свобода и достоинство человека имеют приоритет и воплощаются в политических институтах государства. Л. Гринфельд видит воплощение этого типа в Англии и США. Второй и третий типы — это, согласно ее определению, коллективный национализм: гражданский и этнический. Для гражданского национализма характерна уверенность в политических и культурных силах, достижениях и даже превосходстве (пример — Франция), этническому присущ комплекс неполноценности нации в самой ее сущности и тех свойствах, которые неподвластны проверке. Такой тип Л. Гринфельд видит в немецком и русском национализме. Им, естественно, в возможностях либерализма отказывается.

Р. Суни говорил, что уже Г. Кон в своих представлениях был евроцентричен. Известно, что Э. Смит считал, что нельзя резко противопоставлять «западный» (гражданский) национализм «восточному» (этнокультурному). Оба имеют как культурную, так и территориальную основу⁹. О том, что этническая и гражданская модели национализма не только накладываются друг на друга, но и со временем могут даже менять свое значение, писал в 90-е годы Р. Брубейкер¹⁰.

И в связи с этим я бы подчеркнула необходимость третьего методологического принципа для понимания национализма — рассмотрения его в социальном и экономическом контекстах. Элементы именно такого подхода можно найти уже в работе Г. Кона, который объяснял особенности «западного» и «восточного» национализма социальным составом участников национальных движений. В странах с мощным третьим сословием требования касались главным образом экономики и политики. Там же, где буржуазия была слаба, требования концентрировались на культуре.

Даже те исследователи, которые открыто стоят на конструктивистских позициях (если они не предвзятые специалисты), признают, как, например, Р. Суни, важность контекста. Выступая на семинаре, организованном Фондом «Евразия» в г. Королеве весной 1999 г., Р. Суни говорил: «Нациестроительство — это процесс. Там, где национализм добивался большего успеха, этому предшествовало наличие некой терри-

ториальной, языковой или культурной общности, которая использовалась как исходный материал для интеллектуального проекта национальности».

Именно социальный и экономический контекст определяет, на мой взгляд, процесс развития националистического дискурса, политики и практики. Известно, какое решающее значение придают исследователи и политики, стоящие на конструктивистских и инструменталистских позициях, трактовке наций, деятельности элит. Но насколько интеллектуально мощной бывает элита, выражающая и формирующая идеи национализма, и вместе с тем насколько готовы те или иные социальные группы и вся масса населения поддержать ее идеи, зависит от состояния общества: уровня экономического развития, политической структуры государства, социально-культурных факторов, в том числе норм и ценностей, доминирующих в обществе, доверия политическим институтам, чувства гражданства и взаимного доверия граждан, степени осознания единства государства и др. Чрезвычайно интересной с точки зрения концепции социальной истории и полезной для нас была работа М. Хроча (*Social Preconditions of National Revival in Europe*, 1985), который связал возникновение и развитие националистических движений не просто с индустриализацией, но и с процессами коммуникации и мобильности (по К. Дойчу)¹¹.

Из понимания значимости общего исторического, политического, социального контекста появилось признание того, что национализм бывает разным (В. Коннор, Т. Наирн, Д. Холл, Д. Брейлли, Р. Брубейкер и др.) или, как нам приходилось писать, вариативным¹². И уже из признания того, что национализм бывает разным, можно заключить, что какие-то виды, типы, формы проявлений национализма могут в большей или меньшей мере сочетаться с либерализмом и демократией.

Наиболее известной работой, в которой обсуждается проблема либерального национализма, является уже названная статья М. Линда. В ней он утверждает, что недоверие к национализму даже в его либеральной, демократической и конституционной форме — грубое заблуждение. Оно означает поддержку любых, в том числе деспотичных многонациональных государств. Представление о национализме как устаревшем явлении из архаического прошлого — это предубеждение, которое не соответствует политической практике. Не все случаи сепаратизма плохи, а политика поддержки целостности многонациональных государств — хороша. Справедливо заключение М. Линда о том, что отделение одной нации (а иногда и нескольких) не означает, что каждое многонациональное государство готово рухнуть, как карточный домик. М. Линд утверждает, что многонациональность государства не является непреодолимым барьером для его демократизации. Важно разработать механизм разделения власти между этническими группами. Он приводит пример Швейцарии, Бельгии, Канады. Не надо бояться и сверхмощных государств типа Советского Союза, если они создаются на *добровольных*

началах. Не очень ясно из рассуждений М. Линда, какой же национализм можно считать либеральным. Очевидны лишь условия, выделенные им: возможность свободного выбора человеком своей национальности и обеспечение прав культурных меньшинств, притом что обеспечение прав культурных меньшинств (выделения, соединения этнических групп) осуществляется мирными средствами.

В последнее время вышли и другие работы, в которых обсуждается либеральный национализм. В статье В. Коротеевой «Существуют ли общепризнанные истины о национализме?» дан их обзор и сделан вывод, что у сторонников либерального национализма доминируют две темы: оправдание нации как основы политического сообщества и перераспределительной экономической политики и способы демократического разрешения проблем сепаратизма¹³. Автор обращает внимание на материалы дискуссии, проведенной журналом «Нации и национализм» в связи с выходом книги Д. Миллера «О нации». Д. Миллер оспаривает положение, что национализм — идеология правых сил, поддерживающих авторитарные режимы, враждебные либерализму и демократии, и утверждает, что либеральный национализм предполагает комбинацию социальной демократии внутри страны с «исключительно либеральной доктриной формального равенства на международной арене» (при этом по Д. Миллеру идея социальной справедливости живет только внутри сообщества, «имеющего представление об общей судьбе»).

Б. О'Лири, участвовавший в дискуссии, обратил внимание на соблюдение либеральных требований в отношении меньшинств. Действительно, нередко добившиеся суверенитета народы в новых государствах не соблюдают прав меньшинств. Б. О'Лири считает, что либеральное общественное мнение должно добиваться введения процедур и мер предосторожности, гарантирующих коллективные права меньшинств и индивидуальные права человека¹⁴. Но все это больше, как замечает В. Коротеева, «советы просвещенному общественному мнению», между тем как отсутствуют институты и согласованные политические процедуры реализации предлагаемых мер¹⁵.

Обсуждение проблем либерального национализма оживилось не случайно. Этнические чистки, агрессивный сепаратизм, декларирование самоопределения — все связанные с этими явлениями проблемы приходится и западному сообществу теперь решать не «за морями», а в своих или соседних государствах.

На постсоветском пространстве этнонационализм стал реальностью на значительных территориях. И не так важно, что в одних республиках, зная современные трактовки национализма, идеологи открыто признают себя националистами — сторонниками по возможности большей самостоятельности (не обязательно сепаратизма), а в других, опираясь на советские представления, упорно говорят, что национализма у них нет, его «завозят» из Москвы или «западных стран»¹⁶. Реально национализм в тех или иных проявлениях есть. Учитывая российскую традицию по-

нимания национализма, скажем мягче — есть *национальный регионализм*. В такой ситуации важно поддержать те его виды и формы, которые в наименьшей степени препятствуют процессу либерализации и демократизации.

Поэтому подведем некоторые итоги дискуссий, которые прошли в мировой литературе по проблемам возможности либерального национализма и демократии и позволяют выделить принципы и нормы, дающие возможность относить конкретный национализм (национальный регионализм) к либеральному. Затем мы обратимся к опыту российских республик и, опираясь на выявленные характеристики в дискурсе, политике и практике, попытаемся перейти от рассуждений о состоянии умов к реальности. Таким образом, речь пойдет о возможности либерального этнонационализма в республиках — государствах (так они зафиксированы в Конституции 1993 г.), функционирующих в условиях «разделенного суверенитета».

О либеральном национализме можно говорить, если:

государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

обеспечивается свободное право личности на выбор национальности.

В условиях современной демократии или «глобальной демократической волны» признается наиболее желательной легитимность властных структур, достигаемая в рамках демократических процедур (хотя легитимность и демократия, как подчеркивает известный специалист в области демократических транзитов А. Мельвил, — понятия, которые смешивать нельзя¹⁷). Легитимность власти, достигаемая на основе свободных и честных выборов, означает единство жителей республики, желание ее граждан различной этнической принадлежности добровольно жить вместе.

Большинство перечисленных принципов характерно для развитых или, как говорят, консолидированных демократий. Это практически идеал. Но я согласна с А. Мельвилем в том, что пытаться на все времена и для всех народов сформулировать такой идеал «означало бы впасть в опасную иллюзию». Действительно, «демократия — это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур»¹⁸. И потому Дж. Маркофф говорит о демократии как о постоянно ускользающей цели, к которой стремятся, но практически никогда в полной мере не достигают сменяющиеся поколения демократов.

Также и либеральный национализм способен обновляться в своих принципах, институтах, процедурах, оставаясь целью, к которой национально ориентированные общественные силы, лидеры, властные структуры проявляют готовность стремиться, хотя не всегда и не во всем ее достигают.

Сама демократия не гарантирует решения многих проблем: всеобщего благоденствия, мира, в том числе решения национальных проблем. Тем более этого не может обеспечить общество перехода к демократии. Не будем забывать, что и народы, которые теперь имеют *разделенный суверенитет*, еще живут в состоянии реакции на недавнее историческое прошлое, когда реальной власти в республиках не имели, а их культура, язык не были равны русским (и далеко не во всем сейчас могут считаться таковыми).

Учитывая все это, интересно посмотреть, прослеживаются ли какие-то черты, присущие либеральным формам национализма, в российских республиках. Поскольку нет возможности проанализировать ситуацию во всех республиках, рассмотрю дискурс, политику и элементы практики в Татарстане и Туве. Эти две республики в процессе суверенизации пошли дальше всего (исключая Чечню). В их конституциях содержатся положения о верховенстве республиканских законов над общедолевыми и приоритетном праве на использование ресурсов. Татарстан назван в Основном законе республики независимым государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения (ст. 1). Конституционный конфликт, как известно, был урегулирован на основе Договора о разграничении полномочий и предметов ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан. Договор был результатом компромисса, подписан он на основе конституций России и Татарстана, которые по ряду важных положений не совпадают. С правительством Тувы договор не подписан. В Конституции Тувы есть положение о праве выхода из состава Российской Федерации, и это является основным препятствием для подписания Договора.

Однако с точки зрения оценки либеральности *национального регионализма* (так мы обозначили то, что называют национализмом или, точ-

нее, субнационализмом по международной трактовке) в Конституции Татарстана содержатся практически все основные принципы демократического устройства государства. Суверенитет провозглашен от имени «многонационального народа Татарстана» (ст. 1), таким образом, носителем государственности является не только титульная национальность — татары. В Конституции Татарстана, как и в федеральной Конституции, зафиксированы права и свободы человека и гражданина, соответствующие принятой ООН в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах, Международному пакту об этнических, социальных и культурных правах (1966 г.), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений и других прав и свобод человека.

Основные права и свободы человека отражены и в Конституции Тувы. Но в ней не сказано, от чьего имени провозглашен суверенитет, кто является носителем государственности. И русские активисты считают, что это не случайная оплошность, а способ не фиксировать их как государствообразующую общность.

По Конституции Татарстана все его жители имеют право на гражданство; закон закрепляет право на двойное гражданство — татарстанское и российское. В связи с выдачей гражданам новых паспортов спорным оказался вопрос о возможности получения татарами, живущими в других субъектах Федерации, гражданства Татарстана. Это могло заметно изменить соотношение представительства национальностей в представительных органах, а также во время референдумов (в республике по Всесоюзной переписи 1989 г. татары составляли 48%, а по оценкам на середину 90-х годов — 51%)¹⁹ и потому конфликтно воспринималось и в Татарстане, и в Центре. Но это вопрос практический, а от обострения противоречий руководство Татарстана постаралось уйти.

В Туве уже в Конституции заложены ограничения принятия гражданства по национальности. Там говорится, что «порядок приобретения гражданства определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации...» (ст. 31). По данным переписи 1989 г. тувинцы составляли в республике 64%²⁰. Положение, ограничивающее гражданство по этническому признаку, было принято под впечатлением деятельности национальных движений в прибалтийских республиках, где изменение этнического состава квалифицировалось как имперская политика, обеспечивающая влияние Центра. Тем не менее это положение не может быть оценено иначе как дискриминационное.

Специальные статьи конституций республик устанавливают равноправие граждан независимо от национальности (ст. 3, 20, 21, 22, 29, 35, 53 Конституции Татарстана, ст. 5, 10, 31, 233 Конституции Тувы). В Конституции Татарстана содержатся следующие положения: «Взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество... граждан всех

национальностей составляет социальную основу Республики Татарстан» (ст. 3), «Долг каждого гражданина Республики Татарстан — уважать честь и национальное достоинство других граждан» (ст. 53); «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» запрещается (ст. 6).

Более или менее сходные положения есть и в Конституции Тувы, так же как и других российских республик. Но по закону в Татарстане закреплено два государственных языка, в Туве же государственным языком является только тувинский (ст. 33).

Культурный плюрализм в Татарстане нашел отражение не только в Конституции, но и в реальной жизни. Скажем, Конституцией гарантировано право пользования родным языком (ст. 20), обучения на нем в школе (ст. 41). И реально на русском училось более 90% русских детей, остальные — по свободному выбору. Есть в республике и удмуртские, и чувашские школы. Известно, что из Удмуртии туда приезжали учителя изучать опыт сельских школ по преподаванию на удмуртском языке.

В обеих республиках реализуется право на культурную автономию. И хотя сами общества нетитульных национальностей не столь многочисленны, особенно в Туве, все же важно, что они имеют право на существование.

Конечно, и в республиках, дальше продвинувшихся в создании гражданского общества, либерализации и демократизации, есть конституционные положения, которые воспринимаются нетитульными национальностями как ущемление их прав. К ним относится положение, согласно которому избранным главой республики (президентом) может быть только ее гражданин, владеющий языком титульной национальности и русским. Поскольку среди нетитульных национальностей язык народа, давшего название республике, знают очень немногие, большинство их не может баллотироваться на этот пост. И в 1998 г. такое положение стало препятствием для реального претендента на пост президента в ходе избирательной компании в Башкирии.

Одним из принципов демократии и либерализма, как уже указывалось, является свобода политической деятельности, возможность внутренних разногласий при обсуждении самой сути нации и ее ценностей, идеалов. Естественно, наиболее активное формирование политических объединений происходило в период подъема национального движения, который пришелся на конец 80-х — начало 90-х годов. Именно тогда в Татарстане была создана наиболее известная партия, выражающая центристски ориентированные интересы татар, — Татарский общественный центр (ТОЦ), затем Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), а также крайне радикальное объединение «Иттифак» («Согласие») и другие объединения — «Суверенитет Татарстана», «Ватан» («Родина»), Общество Ш. Марджани и пророссийские или больше выражающие интересы русских «Равноправие и законность», «Народовластие», Гражданский союз, «Согласие» и отделения общероссийских партий. Альтер-

нативность мнений, суждений, доктрин и лозунгов была представлена в дискурсе сполна. Если официальные идеологемы строились вокруг строительства демократического общества равных возможностей, обеспечения равного партнерства национальностей (русские при этом очень редко назывались национальным меньшинством, и в фразеологии официальных лиц часто использовался термин «народы-партнеры» или просто «русские»), создания федерации снизу, на добровольных началах, на основе равноправных договоров, то крайняя оппозиция выдвигала требования полной независимости, призывала к этническим чисткам.

На митингах, собиравшихся в основном ТОЦ и ВТОЦ и насчитывавших 10—15 тыс. человек (бывало и до 50 тыс.), можно было увидеть лозунги «Защитим суверенитет», «От империи к союзу освобожденных народов», «Экономическая самостоятельность», «Москва! Верни нам 250 млн нефтедолларов! Мы построим свой Кувейт!», «Татарстан не дойная корова». На митингах «Иттифака» были лозунги «Независимость!», «Русские — вон из Татарстана!», «Русские — оккупанты», «Москва — оплот колониализма», «Навеки с Россией — навеки в рабстве». «Иттифак» собирал на митинги не более 250 человек.

Правительство сдерживало национальный экстремизм. Большинство понимало, что радикалов немного. Согласно опросам 1994 г., которые мы проводили в Татарстане по проекту «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации»²¹, сторонников «Иттифака» было не более 2—4%. Но все же подобные открытые требования и лозунги оставляли следы. Свыше 35% русских и 25% татар в 1991 г. оценивали межнациональные отношения как «очень напряженные», а 50% и тех и других чувствовали, что «межнациональное напряжение ощущается»²².

После 1994 г. деятельность общественных движений в Татарстане, как и в других республиках, пошла на спад (здесь не анализируется особый случай Чечни). Но идеологические и политические дискуссии продолжают. Так, обсуждается, может ли быть сформирована гражданская нация — татарстанцы. В качестве сторонника такой возможности выступает государственный советник, директор Института истории в Казани Р. Хахимов. Его постоянный оппонент — сотрудник этого же института, один из идеологов ТОЦ Д. Исааков, сомневающийся, что татарскую культуру сейчас можно оценивать как «высокую» (по Геллеру), т. е. такую, на основе которой можно сформировать нацию — согражданство, и считающий, что паритет культур в республике нельзя осуществлять до того, пока татарскую культуру не компенсировали после дискриминации в советский период²³.

В республике дискутируется языковая политика: насколько можно форсировать переход высшего образования на татарский язык, введение оплаты за знание двух языков, кому доплачивать — всем или только русским, использующим два языка, когда вводить обязательное знание двух языков для работников ряда профессий и др.

Русские и представители других нетитульных национальностей чувствуют, что их потеснили во властных структурах. Хотя, как показывают наши опросы, уже в 1998 г. среди русских понизивших свой социальный статус было примерно столько же, сколько среди татар (в Казани — соответственно 16,8% и 15,6%, что по условиям выборки с возможностью отклонений в 5% означает отсутствие значимых различий). Но все же для устройства «на самую лучшую работу», как считают 72% русских, у татар возможностей больше. Среди татар поддерживают это мнение 38%.

В оценке своего материального положения русские и татары практически не различаются. И в 1998 г., и в 1997 г. абсолютное большинство русских и татар межэтнические отношения оценивали как благоприятные, хотя среди русских в 1997 г. по сравнению с 1994 г. увеличилась (с 8% до 25%) доля эгоцентриков, считавших, что «все средства хороши для защиты интересов нации», — их стало столько же, сколько среди татар.

Любопытно, что в конце 90-х годов дискуссии все чаще переходят от национальных, идеологических тем к политике. Так, обсуждается возможность введения местного самоуправления на основе выборов, а не назначений, предоставления возможности избираться в Госсовет по партийным спискам. Как это ни причудливо выглядит, в борьбе за введение партийных списков объединились национально ориентированные демократы и коммунисты, в том числе пророссийски настроенные. В июле 1999 г. они проводили митинги с требованием привести избирательный закон республики в соответствие с законодательством Российской Федерации.

Знаменательно, что руководство Татарстана постоянно демонстрирует возможность обсуждения разногласий (прежде всего, конечно, с Центром) в приемлемых для сторон формах. Так решался в 1999 г. вопрос о продлении соглашений, заключенных после подписания договора 1994 г.

Сложен для Татарстана вопрос соблюдения паритета конфессий. Число мечетей растет в республике быстрее, чем количество православных церквей, верующих среди татар больше, чем среди русских (среди городского населения по опросам 1997 г. соответственно 81% и 74%, в селах — более 90% верующих)²⁴, а главное, готовых жертвовать на строительство религиозных зданий среди мусульман больше.

Идеологи центристского направления постоянно напоминают, что среди татар доминирует ислам джадидистского толка («открытый», «западного толка»). Тем не менее среди радикальных националистов есть и сторонники фундаменталистского ислама. Властным структурам в этих условиях приходится лавировать, искать примирительные механизмы. Так, в Казани кресты православного храма в Кремле, который стоит на холме, выше недалеко стоящей башни Сююмбеки. Было решено на башне водрузить шпиль с полумесяцем, который пространственно выровнял бы эти символы веры.

Примечательна была реакция президента Татарстана на заявления некоторых политологов, поспешивших найти в движении «Вся Россия» исламскую специфику: среди инициаторов блока — М. Рахимов, Р. Аушев, А. Джаримов. М. Шаймиев заявил: «Кто так думает, глубоко ошибается. Среди инициаторов нашего блока большинство — губернаторы российских краев и областей, например, В. Яковлев, П. Сумин, Л. Полежаев, А. Гужвин и другие. Объединились и русские, и представители других национальностей и различных религий, что *неимоверно важно* в нашей стране» (курсив мой — Л. Д.). Еще один раскол на конфессиональной основе — это «страшно и недопустимо».

Политику конфессионального согласия президент Татарстана продемонстрировал указом, по которому одновременно возрождаются мечеть Кол-Шариф и Благовещенский собор. В Казани гордятся тем, что открыт Дом дружбы народов, верующим возвращена синагога, общими праздниками стали День Республики и Сабантуй, проводятся Шалыпинский (оперный) и Нуриевский (балетный) фестивали²⁵.

Иная ситуация в Туве. Оппозиционные партии здесь были, прежде всего «Хостуг — Тыва», но они и в начале 90-х годов и тем более теперь не являются по-настоящему влиятельными. Оппозиция оживлялась здесь в период выборов, но в основном конкурируют центристская Народная партия суверенной Тувы и Тувинская республиканская партия коммунистов. И даже в период более активных действий при подготовке республиканской Конституции требования, идеологемы были достаточно однообразны: «Москва сделала всех бедными», «Тувинцы хотят достойной жизни», «Суверенитет», «Равенство». Между тем обстановка в республике была в начале 90-х достаточно сложной. В 1990 г. здесь был открытый насильственный межгрупповой конфликт, после которого за год 10 тыс. русских покинули республику. Отток русских, уже не в таких размерах, продолжался и впоследствии.

В идеологической и политической сфере здесь не заметно существенных дискуссий об альтернативах развития наций. Более или менее обсуждается, какие элементы культурного багажа следует взять в «завтрашний день». В русской среде (иногда в печати, чаще в кулуарах) обсуждается вопрос участия во власти на уровне республиканских органов и местной власти, конкретных учреждений.

«Политическая крыша» в виде разделенного суверенитета у тувинцев есть. Но вот оформленная идеология прав народа, прав человека, их соотношений едва просматривается, главным образом по законодательным документам, о которых говорилось выше. В отличие от Татарстана, где формируется идеология «мы татарстанцы», или Якутии, где используется идеологема «мы — якутяне»²⁶, в Туве идеологема гражданского, межэтнического единства не декларируется. Это, возможно, одна из причин того, что межнациональные отношения здесь оцениваются, по данным наших опросов 1994 г., вдвое хуже, чем в Татарстане. Некоторые тувинские идеологи говорят о возможности федеративно-

конфедеративных и, может быть, конфедеративных отношений в перспективе, но не сецессии²⁷.

Наиболее спорным при совмещении либерализма и национального регионализма является как раз отношение к сепаратизму и сецессии (я еще раз употребляю понятие национального регионализма или этнорегионализма теперь, после обсуждения основных идеологем в дискурсе, анализа элементов политики и практики в российских республиках, надеюсь, с бóльшим основанием). В этнонационализме народов, дающих название республикам, со всей очевидностью выражено стремление к возможно большей политической и экономической самостоятельности, и это одна из важнейших доктрин национализма. Но основные общественные силы, стоящие у власти, да и авторитетные интеллектуалы практически не декларируют необходимость подчинения личности воле и интересам этнонации, а это другой важнейший постулат национализма.

Патриотизм, любовь к своей земле, культуре поощряются, но в мечеть насильно не ведут и язык изучать не принуждают, тем более не заставляют жертвовать жизнью во имя народа. Среди части интеллигенции «манкуртизм», космополитизм не поощряется, но другие к этому безразличны, абсолютное большинство не поддерживает агрессивный национализм и этноизоляциялизм. Поэтому национализм в большинстве российских республик во многом родствен регионализму и на примере Татарстана выглядит либеральным или близким к либеральному. Именно для такого национализма характерен не агрессивный и фанатичный, а рациональный подход к сепаратизму. Через год после заключения Договора о разграничении полномочий и предметов ведения М. Шаймиев писал: «Для нас суверенитет означает возможность самим добровольно определять ту долю полномочий, которую мы оставляем себе, и ту долю полномочий, которую делегируем России». В августе 1996 г. на международном форуме «Предупреждение смертоносных конфликтов: стратегия и институты» он напомнил: «Я всегда подчеркивал, что Татарстан требует в сложившихся условиях права самостоятельного развития», но не нарушения целостности Российской Федерации²⁸.

События в Чечне и Косово вызвали резкое осуждение и самоопределения, и сепаратизма даже среди ученых и политиков, считающих себя демократами. Утверждается, что для сепаратистов самоопределение — это всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение, хотя самим пишущим²⁹ ясно, что это далеко не всегда так. Сепаратизма в мире, как говорится, хоть отбавляй, а на сецессию, тем более вооруженную, идут немногие. Говорят, что социалистические страны создали «прекрасный материал для сепаратизма, положив... этнический фактор в основу внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств», и «поддержка меньшинств... несостоятельна»³⁰. Но сепаратизм есть не только на «посткоммунистическом пространстве». И большеви-

ки, а потом советское государство развивали так называемые национальные регионы не из альтруизма, а исходя из необходимости индустриализации всей территории. Они стимулировали образование в среде всех народов не только во имя гуманизма, но и руководствуясь потребностью в квалифицированных кадрах и понимая, что «государство сильно со знательностью масс», ведь через образование передавались абсолютно большинству населения государственная идеология, необходимые нормы и ценности. Модернизацию любой страны без образования населения осуществить нельзя.

Залп эмоциональной критики, видимо, объясняется тем, что урегулировать конфликты не всегда удается. Но не стоит ли сосредоточить внимание на обсуждении условий, при которых самоопределение народы предпочитают не в форме отделения, а в виде разных типов автономий, и национализм (в российском случае чаще этнонациональный сепаратизм) удастся перевести в либеральные формы. Такие условия, естественно, бывают объективными и субъективными. К объективным условиям, повышающим готовность к либеральным формам, можно отнести:

1. Этнический состав территории. Чем меньше доля титульной национальности, тем больше она должна считаться с волей другой части населения, думать об обеспечении поддержки с ее стороны, либерализовать этническую политику, выдвигать цели и задачи, которые будут обеспечивать единство всего полиэтнического сообщества.

2. Территориальное положение. Если республика или самоопределяющаяся этническая общность не имеет внешних границ, ей трудно ставить целью сецессию, радикальный сепаратизм. Все ставшие самостоятельными бывшие союзные республики СССР, так же как и Абхазия, Южная Осетия, Карабах, Чечня, имели внешние границы. Отсутствие таких границ ставит ограничение на сепаратизм и стимулирует поиск мирных решений.

3. Ресурсы группы, заявляющей о своих притязаниях, уровень ее модернизации. Речь идет не только о материальных ресурсах, обеспечивающих самодостаточность жизнедеятельности, но и об интеллектуальных. Чем сильнее слой интеллектуалов, чем больше среди них компетентных людей, знакомых с мировым опытом и международными подходами к решению этнонациональных проблем, тем больше шансов на возможность вести переговоры на уровне учета интересов сторон. Особенно важен состав политической элиты, уровень ее профессиональной подготовки. Эстонцам достигать более или менее либеральных путей решения национальных проблем было заметно легче, чем, например, молдаванам. У татар в этом отношении больше возможностей, чем, скажем, у чеченцев или тувинцев.

Возможность либерального национализма зависит также от внутренних и внешних субъективных факторов.

1. Чем выше легитимность и устойчивость центральной власти, ее сплоченность, организованность, тем меньше шансов у регионалов иг-

рать на противоречиях, доходить до ультимативных форм взаимодействия, и в то же время им легче договариваться о разделении полномочий и предметов ведения.

2. Велико значение государства, развития в нем демократических структур, обеспечивающих участие во власти представителей народов, их голос в средствах массовой информации, наличие в государственной структуре устойчивых механизмов регулирования конфликтных ситуаций.

3. Нельзя ожидать либерализации этнонационализма, ослабления сепаратизма, если в государстве происходит эскалация национализма шовинистического толка, если в распределении общегосударственных ресурсов присутствует волюнтаристский момент, наличествуют клиентарные отношения.

4. Всегда приходится иметь в виду, что перепроизводство образованных людей создает препятствие для продвижения, карьеры и стимулирует недовольных к использованию культурных притязаний. Национализм становится потенциальным средством выражения фрустрации и интеллектуальной не востребованности, бунтом «маргиналов»³¹. Поэтому, кстати, стабилизируют эскалацию этнонационализма те руководители республик, которым удается включать в правительственные структуры или использовать иными путями потенциальных неэкстремистских идеологов национализма. Примеры Татарстана и Якутии демонстрируют достаточно успешное использование такого способа «тушения» экстремизма.

5. Все более значимым становится внешнее влияние. Надежда на поддержку или, наоборот, осуждение мировым сообществом несомненно корректирует поведение лидеров как на сепаратизирующихся территориях, так и в Центре. Более четкое определение мировым сообществом позиций по вопросу о возможных формах самоопределения, об отношении к Хельсинкским принципам, об отношении к экстремизму, терроризму, обучение политиков, лидеров общественных движений, ученых решению этнических проблем, обеспечению мирного сожительства людей разной этнической принадлежности — это более надежный способ, чем демонстрация силы при регулировании конфликтов.

Естественно, далеко не всегда эти условия наличествуют, чтобы обеспечить либеральные формы национализма. И даже при их соблюдении не всегда достигаются желаемые цели. Тем не менее именно они создают или расширяют возможность либерального национализма или этнорегионализма.

Примечания

¹ *Lind M.* In Defence of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. — 1994. — Vol. 73. — № 3. — May—June. — P. 87. Пер. на рус. яз: *Линд М.* В защиту либерального национализма // Панорама-Форум. — 1996. — № 1.

² *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. — Новосибирск, 1967. — С. 193.

³ Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова. — М., 1996. — С. 49.

⁴ *Геллер Э.* Нации и национализм. — М., 1991. — С. 23; *Breuilly J.* Nationalism and the State. — Manchester, 1982. — P. 3; Демократизация и образы национализма... — С. 18; *Коротеева В. В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 3. — Лето. — С. 185.

⁵ *Rustow D.* Transitions to Democracy. — London: Routledge, 1970. — P. 53; *Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты. — М., 1999. — С. 33.

⁶ *Мельвиль А. Ю.* Указ. соч. — С. 33.

⁷ *Kohn H.* The Idea of Nationalism. — New York: McMillan, 1967. — P. 329—331.

⁸ Подробнее на русском языке об историографии национализма см.: *Коротеева В. В.* Указ. соч.

⁹ *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. — Oxford, 1986. — P. 149.

¹⁰ *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. — Cambridge, Mass., 1992. — P. 9—11.

¹¹ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1966.

¹² Демократизация и образы национализма...

¹³ *Коротеева В. В.* Указ. соч. — С. 197.

¹⁴ *O'Leary B.* Insufficiently Liberal and Insufficiently Nationalist // Nations and Nationalism. — 1996. — Vol. 2. — Pt. 3. — P. 444.

¹⁵ *Коротеева В. В.* Указ. соч. — С. 201.

¹⁶ Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробижевой. — М., 1996. — С. 57.

¹⁷ *Мельвиль А. Ю.* Указ. соч. — С. 15.

¹⁸ Там же. — С. 17.

¹⁹ Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990. — С. 123—152.

²⁰ Там же.

²¹ Проект осуществлялся при финансовой поддержке фонда Д. и К. Мак-Артуров в Татарстане, Туве, Якутии, Северной Осетии. Руководитель проекта Л. Дробижева. Участники проекта: А. Аклаев, З. Анайбан, У. Винокурова, Х. Дзуцев, В. Коротева, А. Коростелев, И. Кузнецов, В. Малькова, Р. Мусина, С. Рыжова, Г. Солдатова.

²² *Мухаметшин Ф. Н., Исаев Г. А.* Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. — Казань, 1998. — С. 145.

²³ *Исхаков Д. М.* Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. — 1995. — № 1. — С. 58—67.

²⁴ Данные результатов опросов по Проекту «Межэтнические границы: факторы стабильности и конфликтности» // Язык и религия в межэтническом взаимодействии / Отв. ред. Л. М. Дробижева, сост. И. М. Кузнецов. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 17—19.

ЛЕОКАДИЯ ДРОБИЖЕВА

²⁵ Республика Татарстан. — 1999. — 25 мая.

²⁶ Говорит элита республик Российской Федерации... — С. 240.

²⁷ Там же. — С. 132.

²⁸ Известия Татарстана. — 1995. — 15 февр.; *Шаймиев М.* Значение опыта Татарстана для предупреждения и урегулирования конфликтов // Панорама-Форум. — 1997. — № 1. — С. 2.

²⁹ *Тишков В.* Феномен сепаратизма // Независимая газ. — 1999. — 28 июля.

³⁰ Там же.

³¹ *Kedourie E.* Nationalism in Asia and Africa. — New York, 1974. — P. 43, 99.

SUMMARY

This publication has been prepared as part of the program *Nation-Building and Inter-Ethnic Relations* and is based on a series of reports made at the Working Group seminars in 1998-1999.

The publication fills the gap in the body of research on inter-ethnic relations in Russia and the CIS. The publication offers several materials on the creation of myths in history and reflection of historical myths in ethnic policies, as well as on the problem of ethno-national liberalism.

The *Introduction* by Aleksey Malashenko represents the successful synthesis of individual issues analyzed in the various articles and introduces them into a more general context of inter-ethnic relations.

The publication begins with Viktor Shnirelman's article *Value of the Past: Ethno-Centric Historical Myths, Identity and Ethnic Policies*. The author notes that the serious political upheavals and changes during the second half of the 20th century resulted in the emergence of new myths. In the contemporary world, ethnic nationalism is becoming a visible trend. This gives rise to a phenomenon that could be called an alternative look at ancient history, namely ethno-centric versions of the remote past. Viktor Shnirelman seeks to study the process of myth creation which unfolds before our eyes in Russia and the CIS and the ethnic and political context of that process. It is noted that having an important compensatory function, ethno-genetic myths are needed by people when they live through critical turning points of their history. The author raises, and seeks answers to, the following questions: how ethno-genetic and ethno-historical myths are created and which circumstances are required for that creation? Who creates such myths and for which purpose? What is the content that lies on the surface of the myths and what is their profound meaning? How do myths proliferate and how are they perceived by the general public? How do they influence the ethnic identity, formation of ethnic symbols and how are they used in ethnic policies? The author insists that the contemporary nationalist and ethno-political reality with its new myths, symbols and prejudices provides a researcher with entirely new sources for studying the national and ethnic culture, its adaptation to contemporaneity and its ethno-political role.

SUMMARY

Viktor Shnirelman's article is consonant with the article by Vladimir Korenyako dedicated to a different type of historical mythology that is not connected to ethnic and political affiliations of its authors. Vladimir Korenyako's article *Ethno-Nationalism, Quasi History and Academic Science* represents the product of the author's review of a large body of popular literature which is known as dilettantish history and emerged in the wake of the revival of ethno-nationalist ideology in the 1980s and 1990s. Mostly involved in the study of traditional culture of Turkic and Mongolian peoples, Korenyako focuses on the publications by Turkic and Buryat authors. The author believes that dilettantish, quasi-historical publications are not just a mirror reflecting Turkic ethno-nationalism or Russian chauvinism, but rather an original and quite complicated phenomenon. While its main motivations ("mythologems", ideas, leitmotifs) are perfectly obvious, other aspects have not been adequately studied. Korenyako believes that such aspects include the subjects of his research, namely the sources and causes of the quasi-historical trend, inter-relations between that trend and academic science, and other issues. The author analyzes the term "dilettantism" stripping it of simplistic interpretations. The works by Lev Gumilev are studied as a glaring example of the complex phenomenon that "dilettantism" is. In addition to "dilettantism", the author also points to other major factors of the emergence and development of ethno-nationalist quasi-historical science, which, for various reasons, have so far eluded the scrutiny of researchers.

Grigory Kosach's article *Regional "Civil Polyethnic Community": The Orenburg Oblast Version* analyzes "ethnic policy" using the example of the Orenburg Oblast. The article is about myths of "a polyethnic regional community" rather than ethnic myths. The author describes the context of the Orenburg regional "civil polyethnic community's" development and analyzes actions taken by the regional elite. The author describes the ideological foundations of the "ethnic policy" pursued in the Oblast and the ways that policy is implemented. The article casts light on the results and prospects of regional ethnic policy implementation.

Issues of ethno-nationalism are also analyzed in the article *Opportunity for Liberal Ethno-Nationalism* by ethnologist Leokadia Drobizheva (whose works are frequently published by the Carnegie Moscow Center), although from a different standpoint. The author summarizes the results of discussions in international literature on whether liberal nationalism and democracy are possible, and identifies the principles and norms used to classify specific nationalism as liberal. The author cites the experience of republics in Russia and, based on the features identified in the discourse, policies and practice, goes on from the discussions of the state of the minds to real practices. The author insists that liberal ethno-nationalism is possible in republics - states functioning in the conditions of "split sovereignty". She enumerates the principles of liberal nationalism characteristic of developed or consolidated democracies. At the same time, it is emphasized that

liberal nationalism is capable of renewing its principles, institutions and procedures. Using the example of Russia's two constituent republics, the author tracks the features characteristic of liberal forms of nationalism in Russia. The author notes that the most debatable issue pertaining to a combination of liberalism and ethnic nationalism is that of attitudes towards separatism and secession. On the one hand, the author enumerates the conditions that enhance the preparedness for liberal forms; and, on the other hand, internal and external factors of liberal nationalism.

Works on the mythology of nationalism supported by contemporary theoretical research and based on empirical studies are only beginning to emerge in Russian science. The hitherto unused sources and approaches make it possible for the authors to create a more comprehensive reconstruction of the nationalist and ethno-political reality with its new myths, symbols and prejudices. That is why a collection of articles by renowned ethnologists, historians, and art critics prepared by the Carnegie Moscow Center fills in the existing gap and appears to be important and timely for the Russian audience.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Московский Центр Карнеги создан в 1993 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». В рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, внутренней и внешней политики России, по вопросам безопасности, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Avenue, NW

Washington, DC 20036, USA

Tel.: (202) 483-7600

Fax: (202) 483-1840

E-mail: info@ceip.org

<http://www.ceip.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 103009, Москва,

Тверская ул., 16/2

Тел.: (095) 935-8904

Факс: (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Реальность этнических мифов

Редактор *А. И. ИОФФЕ*
Дизайн серии и верстка *Д. А. БАСИСТЫЙ*

Изд. лиц. № 060437 от 26.11.1996.
Подписано к печати 02.10.2000.
Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура журнальная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 6,2.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Гендальф». Москва, Крымский вал, д. 8.

Типография ОАО «Внешторгиздат». Москва, Илимская ул., д. 7.